

The background of the cover is a detailed illustration of a man and a woman on the deck of a sailing ship. The man, on the left, is dressed as a pirate in a dark, double-breasted coat with gold buttons, a white cravat, and a black tricorn hat. He has a serious expression and is holding a cut-throat razor in his right hand. The woman, on the right, has long, flowing blonde hair and is wearing an elegant, light blue, off-the-shoulder gown with lace and ruffles. She is looking down at something in her hands. They are standing behind a large, ornate wooden ship's wheel. The ship's rigging and sails are visible in the background, with a warm, sunset-like glow. In the top right corner, there is a small circular badge with the text '18+'.

Арина Теплова

18+

Испанец
ДЕРЗКИЙ КОРСАР

Арина Теплова
Испанец. Дерзкий корсар
Серия «Девы XIX века», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69899545

SelfPub; 2023

Аннотация

Эксклюзивно. Только на ЛитРес. 1831 год. Не успела Сашенька Оленева покинуть пансион для благородных девиц, как отец вознамерился выдать ее замуж. Жених богат, родовит и стар. Не желая мириться с навязанным браком, Александра тайком отправляется на бал-маскарад, желая в последний раз насладиться свободой. На балу ей неожиданно передают письмо. Некий поклонник приглашает ее на свидание. Думая, что записка от Михаила Протасова, который ей нравится, девушка идет в усадебный парк ночью. Но на встречу приходит другой мужчина – испанский граф Эрнандо де Мельгар, дерзкий и опасный. Боясь за свою репутацию, Саша сбегает от навязчивого испанца, который жаждет продолжить знакомство. Однако де Мельгар не думает отступать и намерен завоевать непокорную красавицу, даже несмотря на то, что у нее уже есть жених.

Содержание

Глава I. Маскарад	5
Глава II. Серенада	18
Глава III. Пансионерка	29
Глава IV. Михаил	43
Глава V. Иностранец	54
Глава VI. Свадебный вечер	68
Глава VII. Испуг	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Арина Теплова

Испанец. Дерзкий корсар

Если долго молить небеса о любви, то она непременно настигнет.

В моем несчастье одному я рад,
Что ты – мой грех и ты – мой вечный ад.
В. Шекспир

Глава I. Маскарад

Одесса, Российская империя

1831 год, Май, 20

Уютную просторную комнату окутал мрак. Духота не позволяла уснуть, потому еще вечером Сашенька приоткрыла большое окно. Здесь, на юге империи, куда они приехали с отцом накануне, лето уже полностью вступило в свои права.

Часы недавно пробили одиннадцать, но девушка никак не могла уснуть. Осознание того, что завтра состоится ее помолвка, а через три недели свадьба, терзало ее. Она ворочалась на постели и никак не могла уснуть. С противоположной стороны улицы уже более часа доносились громкие звуки музыки, гомон голосов и шум подъезжающих экипажей. В какой-то момент, не выдержав, Саша проворно поднялась с постели и приблизилась к столу. Стояла ясная теплая ночь, оттого лунный свет окутывал спальню. Налив воды из хрустального графина, девушка начала жадно пить, горло от духоты и волнений совсем пересохло.

Невольный интерес толкнул ее подойти к приоткрытому окну. Высунувшись наружу, она оглядела широкую улицу. На другой стороне, чуть впереди, большой двухэтажный особняк сверкал множеством огней. У парадного въезда кучно в ряд стояли экипажи, а слуги в ливрее услужливо откры-

вали двери для прибывающих дворян. Именно оттуда доносилась громкая бальная музыка и гомон голосов. Похоже, в особняке в этот час принимали гостей.

Сашенька никогда не бывала на подобных приемах, да и вообще на балах, ибо все свое детство и отрочество безвылазно провела в пансионе. Оттого она с интересом рассматривала дворян, в этот миг выходявших из подъехавшего экипажа: даму в светлом бальном платье, и ее кавалера в черной паре и цилиндре. Их лица скрывали маски в тон нарядам, видимо, в особняке давали бал-маскарад. Пара вошла в ажурные распахнутые ворота и прошествовала по цветочной алее к дому.

Девушка ощутила, что тоже хочет попасть на этот бал, как гостя. Хотя завтра в доме ее жениха тоже будет праздник, по случаю помолвки, вряд ли она оценит по достоинству это торжество. Волнение о своей будущности не даст ей спокойно насладиться приемом. Оттого в эти минуты, наблюдая за происходящим напротив, она очень хотела поближе посмотреть, что же происходит на этих маскарадах, о которых она так много слышала от подруг в пансионе.

Услышав громкие шаги прямо под окнами и приглушенный смех, Сашенька невольно опустила глаза. По мостовой следовали двое молодых мужчин во фраках и цилиндрах, они о чем-то говорили и смеялись. В следующий момент зрачки Саши удивленно расширились, ибо в одном из них она узнала Михаила, своего знакомого. Сегодня он был одет

как настоящий франт: в черный бархатный фрак, белоснежную рубашку, светлые брюки, цилиндр и белые перчатки. Ее сердце вдруг сильно забилося, и она чуть попятилась, боясь, что мужчины заметят ее на втором этаже у окна. Спрятавшись за портьеру, она продолжала следить за молодыми людьми и увидела, как они дошли до изысканного голубого особняка, где теперь давали бал, и скрылись внутри.

Нахмурившись, Сашенька с колотящимся сердцем смотрела на закрывшиеся за мужчинами двери особняка и лихорадочно размышляла. Как она хотела оказаться на маскараде рядом с Михаилом и хотя бы раз покружиться с ним в вальсе. Но она находилась здесь, в этой душной спальне, в одиночестве, как и подобает благочестивой девице на выданье в столь поздний час.

Однако еще с детства Александра не отличалась спокойным и покорным нравом. Хотя она скрывала многие свои горячие порывы, страстные желания и чувства от окружающих, именно боевой, твердый характер помогал ей выживать в суровых условиях пансиона.

Чем дольше она думала о маскараде, тем более отчетливо в ее голове выстраивался дерзкий план.

– Завтра меня отдадут этому... – пролепетала девушка, не в силах произнести имя ненавистного жениха, и его образ, возникший в голове, тут же вызвал гадливую гримасу на юном лице. – Всего лишь одна ночь непослушания. Никто не узнает. Последняя ночь перед кабалой на всю жизнь...

Дернувшись с места, она проворно подбежала к шкафу. Распахнув дверцы, Саша прошлась возбужденным взглядом по прекрасному бальному платью из нежного розового шелка, с вышивкой по подолу и атласной лентой под грудью. Это платье батюшка купил ей сегодня днем по приезду в Одессу в одном из модных салонов. Оно предназначалось для завтрашней помолвки. Никогда раньше Саша не надевала подобных чудесных нарядов, и в этот миг платье казалось ей самым совершенством.

– Что с ним станется, если я один раз его надену? – возбужденно прошептала она.

Мятежные безумные мысли уже полностью завладели девушкой, и она быстро стянула платье с вешалки. Аккуратно уложив прекрасное творение на постель, Сашенька устремилась к комоду, разыскивая белье, чулки и рубашку.

Спустя полчаса она закончила свое облачение и простую прическу. Немного перекрутив пряди светло-русых густых волос, она собрала их на затылке, сделав небольшую «корзинку» из локонов. Саша виртуозно умела укладывать волосы, в пансионе они с подругами часто делали друг другу прически тайком перед сном.

Осторожно открыв дверь спальни, Сашенька выглянула в коридор. Отец спал в соседней комнате, а через дверь его камердинер. Остальные комнаты доходного дома, где они теперь снимали номера, не были заняты, так сказал хозяин вчера по приезду. Потому девушка беспрепятственно, очень ти-

хо ступая на цыпочках, прошла до деревянной лестницы и быстро спустилась на первый этаж. Кругом стояла гробовая тишина. Она знала, что управляющий придет только в пять утра, но до этого времени надеялась непременно вернуться.

— Прекрасно! — в эйфории прошептала себе Саша, выходя уже на мостовую и оглядываясь.

На улице в этот поздний час было пустынно, виднелись только парочка вдалеке и прохожий чуть в стороне. Не заметив ничего необычного, девушка быстрым шагом направилась на противоположную сторону улицы. Мостовая была влажной от вечернего дождя, потому она шла, как можно выше приподнимая прелестное шелковое платье, чтобы не испачкать его. Спустя пять минут она проворно зашла в распахнутые ворота из ажурного чугуна. Лакеев не было видно, только несколько кучеров у вереницы карет, стоявших у входа в усадьбу.

На что она надеялась? На удачу. От одной из девиц-пансионерок Сашенька слышала, что на любом маскараде имелись запасные маски. Их клали при входе, дабы забывчивые гости могли ими воспользоваться. В маске ее точно никто не узнает, да и вряд ли вообще поймет, кто она такая. В Одессе она никого не знала, да и ее совсем не знали.

Поднявшись по широкому крыльцу из белого мрамора к распахнутым входным дверям, она на миг остановилась. Что бы сказал батюшка на ее дерзкую проделку? Это было неприлично, появляться юной девице семнадцати лет одной на ба-

лу. Но ведь батюшка не узнает. А она только одним глазком посмотрит на маскарад, на Михаила, и тут же, как быстрая мышь, вернется обратно в доходный дом. Никто и не поймет, что она покидала свою спальню.

У входа в особняк ей важно поклонились два лакея.

– Приветствуем вас, госпожа. Будьте добры, ваше приглашение.

Такого поворота Саша не ожидала. Она даже не подумала о том, что на приемы всегда высылалось приглашение. Навивная дуреха! Как же она так оконфузилась? Сейчас лакей велит ей уходить прочь и будет прав. Но Сашенька была не из тех, кто быстро отступает от своей затеи. Оттого она решила все же попытаться проникнуть на маскарад без приглашения.

– Я вышла подышать свежим воздухом и немного заблудилась в вашем саду, а сейчас увидела этот вход и... – начала она лепетать неуверенным голосом, сбиваясь и словно желая объяснить.

– Так вы уже проходили, барышня? Просто гуляли?

– Да. Я же говорю, вышла в усадебный сад и не заметила, как заблудилась.

– Неудивительно, барышня, – заявил понятиливо второй лакей. – Сад и прилегающий парк графа Васильчикова так обширен, что и за пару часов не обойти.

– Вы правы, – подхватила его мысль Саша. – Я едва выбралась через дальнюю калитку, потом пришлось идти даже

по улице, а там так страшно и темно!

– О, простите меня, госпожа, – быстро выпалил лакей. – Заходите скорее, это моя оплошность, что я вас не узнал. Вы же прибыли с родителями еще в начале бала?

– Да-да, – закивала довольно Саша, понимая, что лакей принял ее за кого-то другого.

– Проходите непременно! Извините меня, что не признал вас сразу.

– Ничего страшного, благодарю вас, – улыбнулась ему приветливо девушка и прошествовала в ярко освещенную многочисленными свечами парадную.

Музыка оглушительно гремела из распахнутых в залу дверей, и в зале, и на широкой лестнице толпились гости, дамы в бальных платьях всевозможных оттенков и мужчины в черных фраках. Маски присутствовали на большинстве лиц. Никто не обращал на нее внимания, и Саша, понимая, что надобно тоже раздобыть маску, окликнула одного из слуг, проходившего с вазой с фруктами.

– Милейший, вы не подскажите, где мне взять маскарадную маску? Свою я нечаянно обронила в фонтан, и она испортилась.

– Вон там у окна Архип подберет, какая вам по вкусу, мамзель, – услужливо ответил слуга, поклонившись.

Поблагодарив его, девушка направилась в указанную сторону и выбрала прекрасную белую маску с золотыми узорами на пол-лица, легкую, с тонкими завязками, почти неза-

метными на ее светлых волосах. Оглядев себя в одно из зеркал голубой гостиной, она довольно улыбнулась своему отражению и поспешила далее в бальный зал, откуда доносились звуки стремительной мазурки.

Первые полчаса пролетели незаметно. И Сашенька, очарованная и радостная, пребывала в эйфории от всего происходящего. Ей даже удалось станцевать мазурку и вальс с двумя кавалерами, которые настойчиво пытались узнать ее имя. Но девушка так и не сказала им, хотя на другие вопросы охотно отвечала. Она искала глазами Михаила, который, собственно, и подвиг ее на этот дерзкий поступок. Ей хотелось увидеть его вновь, а возможно, даже потанцевать с ним. Наверняка в маске он не узнает ее. Ведь открытыми у нее были только губы и подбородок.

Наконец она заметила его напротив в компании того же молодого вельможи, с которым Михаил ранее шел по улице. Она так пронзительно смотрела на молодого человека, узнав его даже в маске, что в какой-то момент он посмотрел в ее сторону. Саша вдруг стушевалась, боясь, что он все же узнает ее. Не прошло и пяти минут, как Михаил извинился перед своим знакомым и двинулся через гостей в ее сторону. Саша замерла, подумав о том, что он все же узнал ее. Ее испуг длился недолго, ибо неожиданно перед ней возникла высокая фигура мужчины в черном фраке и бархатной черной маске.

– Позвольте пригласить вас на полонез, мадмуазель?

Едва взглянув на темноволосого щеголя с розой в петлице, Сашенька утвердительно кивнула, вложив свою руку в перчатку в его широкую ладонь. Она последовала с ним в центр залы, то и дело озираясь на Михаила.

На своего партнера по танцу она почти не смотрела, только его запах постоянно ударял ей в нос, едва он приближался во время движения. Свежий и легкий, смесь цитрусовых и бергамота, он был даже приятен и не вызывал отторжения. Весь полонез Саша косилась на Михаила, и казалось, что он настойчиво тоже смотрел в ее сторону. Под конец танцев она почти утвердилась в том, что Михаил точно узнал ее. Она напряженно думала о том, что он расскажет о ее недопустимой выходке ее отцу, а еще хуже, будущему жениху. И тогда это будет ужас что такое.

Когда танец закончился, молчаливый кавалер отвел ее к другим дамам. Поклонился и отошел. Девушка пребывала в нервном состоянии. Опасаясь скандала, Сашенька уже вознамерилась немедленно покинуть бал, как к ней приблизился слуга.

– Вам послание, ваша милость, – произнес он, протягивая поднос.

Удивленно уставившись на небольшое письмецо, Саша нахмурилась.

– Наверное, вы ошиблись, – сказала она.

– Никак нет, – заявил уверенно слуга. – Велено отдать именно вам, светловолосой молодой даме с розовом платье,

что стоит у третьей колонны.

Опешив, Сашенька медленно взяла письмо и поблагодарила слугу. Отойдя в самый край залы, она развернула письмо:

«Сударыня, прошу вас подарить мне несколько минут вашего драгоценного внимания. Жду вас у второго фонтана в саду».

Послание не имело подписи. Кто его отправил и для чего, она не понимала.

Она начала озираться по сторонам. В ее голове нарастала мысль о том, что все же Михаил узнал ее и сейчас настаивает на уединенном разговоре. Ну конечно, кто еще мог послать ей записку? Ведь никто не знал ее здесь. А он, видимо, решил объясниться наедине, чтобы никто не узнал о ее тайной отлучке из комнаты. Все верно, Михаил, как благородный дворянин, не жаждет позорить ее и докладывать ее отцу. Как он великодушен. Надо было переговорить с ним с глазу на глаз и уверить, что более она не намерена творить подобного. Тогда скандала удастся избежать.

Сорвавшись с места, она поспешила в сад через приоткрытые двери большой гостиной, примыкавшей к бальной зале. Вскоре она достигла второго фонтана. Мимо проходили дама с кавалером. Саша быстро остановилась и отвернулась к фонтанной статуе, сделав вид, что ее заинтересовали падающие струи воды, которые выпускала юная каменная нимфа из своего кувшина. Она слышала, как скрипела ка-

менная дорожка под ногами удаляющихся дворян и ждала момента, когда они уйдут подальше. Позади раздались новые шаги, и Саша обернулась. Перед ней стоял коренастый парень, одетый как слуга.

– Мне велено завязать вам глаза, госпожа, и проводить в место, где вас ожидают, – заявил он.

– Зачем завязывать?

– Вам ничего не угрожает, ваша милость. Это небольшой сюрприз. Я проведу вас в дальнюю часть парка, как мне приказано, но вы не должны ничего видеть, – его голос был спокойен и внушал доверие.

– Кем приказано?

– К сожалению, не могу назвать имя моего господина. Но надо завязать глаза.

– Нет. Или я иду с открытыми глазами, или пусть ваш господин приходит сюда для разговора, – сказала Саша категорично, не понимая, зачем Михаил все так усложнял. Неужели нельзя было прийти самому и обсудить все с ней, а не тащить ее куда-то?

– Ладно, так уж и быть. Но обещайте, что не расскажете, что глаза вам не завязали, как приказано.

– Не скажу.

– Следуйте за мной, барышня.

Последовав за двумя слугами, Саша ощущала нервозность. Они прошли, наверное, минут пять по узким дорожкам сада, прежде чем оказались у просторного озера. У бе-

рега стояла белая лодка, украшенная цветами и папоротником.

– Пожалуйста сюда, в лодку, – сказал слуга, протягивая ей руку.

Саша нерешительно остановилась у кромки воды, но потом оперлась на плечо мужчины и его руку, и слуга легко приподнял ее за талию и перенес в лодку. Мужчины сели на весла и быстро начали грести к противоположному берегу. Обеспокоенно озираясь по сторонам, девушка уже ни на шутку занервничала. Видя ее тревогу, один из слуг успокоил:

– Вам нечего бояться, барышня.

«Конечно, нечего! – возмущенно вопила про себя Сашенька. – Меня просто везут неизвестно куда два незнакомца, и я сама пошла за ними, как полная идиотка!» – Отчего я вообще согласилась на эту авантюру, – прошептала недовольно девушка себе под нос.

– Мы почти на месте. Не забудьте, вы обещали молчать про незавязанные глаза.

Машинально кивнув, она позволила мужчинам вновь перенести себя из лодки. Все тот же коренастый парень поставил ее на деревянный помост. Впереди возвышалась просторная открытая веранда или огромная беседка, а Саша находилась как будто на причале. Со всех сторон беседка была увита зеленым плющом и окружена озерцом.

– Прибыли, ваша милость. Пожалуйста внутрь, там вас уже

ожидают, – заявил ее сопровождающий и быстро запрыгнул обратно в лодку, после чего мужчины отплыли от берега.

Пройдя по мосту-причалу и поднявшись на пару ступеней, Сашенька вошла внутрь беседки. Большое внутреннее пространство едва освещалось тремя факелами в больших железных напольных вазах. За периметром беседки царил непроглядный мрак, и только на противоположном берегу озерца виднелась верхняя часть особняка с озаренными светом окнами.

Оглядываясь по сторонам, Саша невольно оправила платье и маску, не понимая, что теперь ей делать. Где же Михаил? Никого не было видно.

Вдруг раздались звуки музыки, а окружающее пространство наполнилось чарующей и красивой мелодией. В следующую минуту девушка увидела, как вдоль берега, прямо у подножья беседки, где она стояла, плывут две лодки с десятком музыкантов, играющих на скрипках, флейтах и виолончели.

Глава II. Серенада

В следующий миг позади раздался громкий звук, как будто кто-то провел рукой по струнам гитары. И далее зазвучала песня мужским бархатным баритоном. Саша от неожиданности вздрогнула и обернулась. Оказывается, с другой стороны беседки был еще вход, который она не заметила. Перед ней в десяти шагах стоял мужчина.

Темный силуэт его, в черной одежде и широкополой шляпе, казался нереальным и каким-то мистическим. Высокая фигура незнакомца вызвала у девушки ступор. Он не только умело играл на гитаре, перекинутой через плечо, но еще и пел. Звук его мелодичного хрипловатого голоса становился более насыщенным и громким. Он пел на малознакомом языке, и девушка смутно понимала слова. Она вообще потерялась, не зная, что происходит. Мужчина продолжал петь, сопровождая себя на гитаре, а мелодия, которую играли позади нее музыканты в лодках, сливалась с его красивой песней в унисон, создавая гармоничное звучание.

Исполняя свою песню, мужчина начал медленно приближаться к ней, и Саша отметила, что на его лице нет маски.

– Что это? Серенада? – прошептала она себе по носу, невольно замерев на месте и вперившись взглядом в мужчину, его загорелое лицо было ей незнакомо.

Его голос завибрировал на высокой ноте, едва он остано-

вился от нее в трех шагах. И тут ее осенило, что он поет по-испански. Она очень мало знала этот язык, оттого поняла только несколько слов из последней мелодичной фразы. Сопровождение скрипок и флейт стало не слышно, и Сашенька невольно обернулась и отметила, как лодки с музыкантами поплыли к другому берегу.

В голове Сашеньки царил хаос. Может быть, этого певца нанял Михаил для нее? Или же нет? И где сам Михаил?

Мужчина замолчал, продолжая перебирать струны гитары, играя довольно виртуозно, и вдруг раздался его приятный громкий баритон:

– Как вам серенада, сударыня? Вы сказали, чтобы я был романтичным и решительным.

Наконец Сашенька пришла в себя и в негодовании выпалила:

– Вы кто такой?! Что вам нужно?

Гитара некрасиво пискнула, когда незнакомец оборвал мелодию, опустив руку со струн. Он так же пораженно уставился на Сашу, как и она на него.

– Сеньорита? – выдохнул он, в два шага приблизился и дернул вниз ее маску, открыв лицо девушки.

– Что вы себе позволяете? – возмутилась она и невольно попятилась.

Когда мужчина вышел на свет, она отчетливо разглядела его молодое, но не юное лицо, с заостренными чертами и высокими скулами. Он был черноволос и широкоплеч.

Сашенька хотела закричать, чтобы позвать на помощь, и уже открыла рот. Но тут же осознала, что ее крики только привлекут излишнее внимание. Для нее это было опасно. Может получиться еще больший конфуз или даже скандал, если ее узнают.

Мужчина продолжал рассматривать ее, явно не понимая, кто перед ним. Она видела, как его пронзительный взгляд мечется по ее лицу, фигуре, с головы до ног.

– Простите меня, сеньорита, я не хотел напугать вас! – сказал он порывисто в следующий миг.

– Однако напугали, – выпалила она нервно, окончательно разозлившись на себя. Ей показалось, что от мужчины исходил какой-то знакомый запах. – Зачем вы заманили меня сюда?

– Я и не собирался. Я ждал мадам Дерябину, а не вас, – он говорил с очень сильным акцентом по-русски.

– Но мне передали письмо, и двое слуг перевезли меня сюда на лодке.

– Все верно, письмо писал я, – продолжал он с горячностью. – Но оно предназначалось не вам! Татьяне Дмитриевне Дерябиной. Похоже, слуги что-то перепутали.

– Прекрасно! Просто прекрасно! Я ведь чувствовала, что не надо куда идти, так нет же! Глупая гусыня!

Всплеснув руками, Саша начала озираться по сторонам, собираясь немедленно покинуть это место. Ситуация казалась ей невозможно комичной и идиотской. Этот темново-

лосый франт приготовил романтическое свидание для другой дамы, а она пришла сюда вместо нее.

– Какой курьез, вы не находите? – раздался над ее ухом приятный баритон, и мужчина улыбнулся. – Я и впрямь ошибся, сеньорита.

Саша невольно попятилась от него, воскликнув:

– Не приближайтесь!

– Вы разозлились? Я не хотел напугать вас, – покаянно заявил он, и его лицо вновь озарила улыбка, которая делала незнакомца привлекательным.

На вид мужчине было лет тридцать. Смуглый, гладко выбритый, он имел темные густые волосы и обветренное лицо. Его карие, почти черные, глаза блестели юношеским задором. Во всем его облике чувствовалась какая-то молодецкая удаль.

– Конечно, разозлилась. Привезли меня ночью в какое-то жуткое место. Поете эти свои песенки, а я вас впервые вижу!

– Как же впервые? Я помню вас. Час назад я приглашал вас на полонез.

– Ах вот оно что, – прошептала она, тут же поняв, отчего запах цитрусовых и бергамота показался ей знакомым. – Но нас не представляли друг другу.

Так и есть, его рост и широкоплечая фигура, и эта роза в петлице бархатного фрака указывали на ее кавалера по последнему танцу. И тут Сашу осенило, что на дворе ночь, а она говорит с незнакомцем в этом уединенном павильоне.

Если кто-то узнает не только о ее ночной вылазке на бал, а еще и о том, что она находится здесь наедине с мужчиной, от ее репутации не останется и следа. А непорочность для девицы накануне помолвки очень важна! Так говорила мадам Лазарева из пансиона благородных девиц.

Сашенька решила немедленно уйти отсюда. Необходимо было найти какую-нибудь лодку и уплыть обратно, прочь, прочь с этого маскарада, где она так оконфузилась. Пока ее репутация окончательно не потеряна. Она устремилась вон из беседки, но услышала тяжелые шаги за спиной и голос:

– Погодите, вы куда?

– Недопустимо мне быть здесь с вами, сударь, – кинула Саша ему через плечо, оправляя на лице маску и вновь затягивая завязки. – Мне надобно немедленно вернуться на бал.

– Погодите, я провожу вас, сеньорита.

Она резко остановилась и обернулась к нему.

– У вас есть лодка? Вы можете перевести меня на другой берег?

– Могу, – кивнул он.

Он быстро вернулся на веранду и захватил букет цветов, который лежал чуть сбоку на скамье. Потом закинул гитару за плечо, быстро спустился с трех ступеней и вошел в воду, велев Саше:

– Стойте там.

Ступая по мокрому берегу, а далее по воде в сапогах, мужчина через несколько минут вытащил лодку, стоявшую под

беседкой, и подтолкнул ее. Заняв место на веслах, он подплыл к невысокому причалу, где ожидала Сашенька.

– Вашу руку, синьорина, – велел он, протягивая ей ладонь.

Стараясь не думать о том, что его рука без перчатки, как требовал этикет, девушка проворно вложила пальцы в ладонь и запрыгнула в качающуюся на воде лодку. Плюхнувшись на деревянное сиденье напротив, она отметила, что мужчина принялся грести, отчалив от берега.

Видя, как невольный попутчик с интересом настойчиво рассматривает ее, Сашенька чувствовала себя нервно. Она жаждала скорее добраться до другого берега и наконец избавиться от этого навязчивого незнакомца, горящий взор которого смущал ее неимоверно. Чтобы разрядить напряженную обстановку, она спросила:

– Отчего вы называете меня так? Сеньорита? Вы итальянец?

– Испанец. Простите, я забыл представиться. Дон Эрнандо граф де Мельгар, советник в свите испанского посланника.

– Очень приятно. Хотя нет, мне неприятно, – тут же поправилась Саша.

– Могу я узнать ваше имя?

– Нет, – замотала она головой.

Не собиравшись она знакомиться с ним, еще чего! Сейчас она выйдет из лодки и более не увидит этого господина, и нечего ему было знать ее имя. Завтра ее помолвка и другая

жизнь.

– Почему же? Вам не понравилась моя серенада?

– Вы же пели ее не мне, а мадам Дерябиной.

– А если бы вам? – спросил он, и его лицо снова озарилось белозубой улыбкой.

Замерев, Сашенька недовольно посмотрела на него. Он забавлялся! Конечно смешно, какая-то глупая девица прибежала к нему на свидание, готовая непонятно на что. Боже! Это было так унизительно и глупо, что и не передать.

– Мы выяснили, что произошла нелепая ошибка, и вы обознались с дамой, не стоит продолжать эту тему, – строго заявила она.

– Вы не ответили, понравилась вам моя серенада?

– Нет.

– Неужели? Мне говорили, что у меня красивый голос, – опять оскалился он.

Глухо выдохнув, Сашенька попыталась успокоиться. Этот испанец, похоже, собрался с ней еще и заигрывать. Он продолжал эти вопросы, как будто они сидели в гостиной, но они были в лодке посреди озерца в темноте и наедине. И это было возмутительно.

– Вы вытянули меня с бала этой своей запиской, напугали, с чего бы мне должно это все понравиться? И перестаньте улыбаться, мне совсем не весело.

Эрнандо долго молчал, продолжая мощно грести. Его взгляд уже в который раз прошелся по прелестному обли-

ку девушки. Она была невероятная. Какая-то воздушная и невыносимо прекрасная, с этими своими горящими от возмущения светлыми глазами. Ее беспокойный огненный нрав он распознал с первой минуты, едва увидел. Порывистая и искренняя, как ребенок, она так мило пыталась прекратить с ним общение и ретироваться из его компании, что у него с каждым мгновением нарастало желание, наоборот, познакомиться с ней поближе.

– Простите меня, еще раз, – сказал он глухо. Отпустив весла, он подхватил букет цветов, лежащий рядом с ним на скамье, и протянул ей. – Возьмите цветы, в знак моего извинения.

– Не нужны мне ваши цветы, тем более они предназначались не мне. Лучше гребите быстрее к берегу, – возмущенно сказала Сашенька, окончательно разнервничавшись.

– Я понимаю, – кивнул он, отложив цветы и вновь берясь за весла. Чуть помолчав, он предложил: – Тогда, может быть, вы подарите мне еще один танец сейчас? Раз уж мы познакомились с вами, сударыня.

Он, видимо, считал эту ситуацию приемлемой. Более наглого мужчину она никогда не встречала. Хотя за свои семнадцать лет мужчин Сашенька знала мало. В пансионе для благородных девиц были только два старых учителя и сторож. Еще батюшка да жених. Но все же Сашенька прекрасно знала, что все, что происходило нынче, жутко неприлично, нет, это было просто чудовищно.

– Ничего вы не понимаете, сударь! – уже как-то трагично вымолвила она, видя, что они почти у берега. – Просто посадите меня на берегу и ступайте куда вам угодно.

Он увидел, как в ее глазах заблестели слезы, она явно сильно переживала. Но он не хотел ее расстраивать, наоборот, желал успокоить ее и понравиться с той минуты, как она села в лодку, но получилось все не так.

Умело прыгнув в воду, Эрнандо протянул руки. Сашенька уже была готова и стояла у края. Осторожно обхватив за талию, мужчина легко поднял ее и переставил на сухой берег.

– Я расстроил вас, простите еще раз за это происшествие, – сказал он покаянно, заглядывая ей в лицо. Она же отметила, что в его глазах нет раскаяния, а только какой-то странный блеск. – Вы скажете, как вас зовут?

– Я же сказала, нет.

– Жаль, – ответил он глухо, поджав губы.

– Прощайте, сударь, – заявила она, быстро отходя от него, и, как будто вспомнив, добавила: – Благодарю, что перевезли меня на лодке. Прощайте.

Она видела, что он явно расстроился, и чувствовала, что он хотел продолжить знакомство. Но сама точно этого не желала. Мало того что он не русский, так еще и беспардонный! Всю обратную дорогу на лодке так и жаждал увлечь ее в разговор.

Более не в силах выносить его общество девушка, припод-

нимая подол платья, поспешила к алее, едва видимой впереди.

– Если бы знал, что мне привезут такую красавицу, непременно написал письмо именно вам, – услышала она его громкие слова позади.

– Оставьте меня уже в покое, сударь! – возмущении выпалила она, поразившись своей неучтивости.

Он вполне мог обидеться. А впрочем, ей было все равно. Ведь более она никогда не увидит этого навязчивого испанца. Она почти побежала по дорожке, щеки горели, а мысли были в смятении.

– Это же надо в такое вляпаться, – шептала она себе под нос. – Главное, чтобы он не рассказал никому. Как верно, что имени не сказала.

Приятный аромат цитрусовых и бергамота, присущий этому испанцу, до сих пор преследовал ее. Она ощущала, как сердце бешено колотится. И в ее мыслях снова и снова всплывали моменты ее приключения в беседке. Ей никогда не пели серенады, и, несмотря на то что песня предназначалась не ей, Сашенька все же не могла не признать, что этот граф де Мельгар виртуозно владел инструментом. Его голос, низковатый, обволакивающий и как будто соблазняющий, западал прямо в душу. Опять образ высокого широкоплечего испанца во всем черном и широкополой шляпе предстал в ее воображении. Его горящий темный взор, смуглое лицо, и эта невероятно белая полоска ровных зубов, ко-

гда он улыбался.

– Какой все же нахальный тип... – пролепетала Саша, вздохнув. – Дерзкий-предерзкий...

Глава III. Пансионерка

Месяцем ранее

Екатеринослав, Российская империя

Пансион для благородных девиц

1831 год, Апрель, 22

– Оленева! Опять ворон за окном считаешь? – раздался неприятный скрипучий голос мадам Исаевой, стоявшей у доски.

Сашенька быстро отвернулась от окна, ибо ее парта находилась у подоконника, и посмотрела на классную даму. Сухопарая высокая старая дева в черном платье походила лицом на крыску, имея маленькие глаза и узкое скуластое лицо серого оттенка.

– Простите, мадам, – вымолвила девушка, чуть привстав со своего места и поклонившись в знак раскаяния головой.

Исаева вперила в светловолосую худенькую ученицу неприятный взор и строго велела:

– Сядь! И повтори, что я только что сказала про пятое писание от Матфея.

Пытаясь сосредоточиться, Саша послушно села обратно и начала мямлить:

– Там говорится... апостол Матфей сказал, что надо...

Она не могла ничего повторить, потому что пропустила мимо ушей то, что рассказывала до того мадам. Положение спасла ее соседка по парте Варвара Дорошенко, которая потянула руку вверх. Исаева кивнула, и Варя, встав, повторила все «умные слова», сказанные только что наставницей.

– Умница, Варвара, – похвалила Исаева. – Вижу, ты на отлично окончишь наш пансион и нам не будет стыдно перед твоими родителями. А вот некоторые, я про тебя, Оленева, так и останутся глупыми неучами.

Насупившись, Александра опустила голову, подумав о том, что она совсем не неуч и с удовольствием занималась историей и литературой, прочитав почти все книги в библиотеке в пансионе. А еще она обожала географию, а именно, изучать всякие карты и описания других стран. Она могла часами рассматривать атласы и даже сама заносила в тетради заметки, описывая страны, города, реки и моря, пытаясь запомнить все названия и изучить обычаи народов. Но лучше всего Сашеньке давались языки, она была первая в классе по этим предметам. Немецкий, английский и французский она знала превосходно, немного изучала итальянский и греческий. Потому вовсе не считала себя необразованной, как намекала мадам Исаева.

Ненавистный урок закона Божьего начался, как всегда, с занудных наставлений мадам Исаевой о том, что девица из благородного семейства должна быть послушна своим родителям и будущему мужу. Исполнить свой долг, который ей

велит беспрекословно подчиняться и слушаться. Эти наставления не нравились Саше и вызывали только скуку. Оттого, едва увидев за окном прилетевших грачей, сидевших на ближайшем дереве, она с интересом стала разглядывать их, любясь тем, как солнечные лучи озаряют их черные спинки и бока.

Наступила весна, и две недели, как в городе растаял снег, кругом журчали ручейки, а на деревьях набухли почки.

Сашенька была слишком активной и любознательной, и все эти уроки закона Божьего вызывали у нее скуку. Но приходилось три часа в неделю слушать проповеди или приходского священника, или мадам Исаеву о благочестии и свя-
тых.

Девушка же думала, что это время можно провести с большей пользой. Например, прогуляться по улице, рассматривая прилетающих птиц, или покататься верхом на лошади, которой у нее никогда не было, или полюбоваться на городском пруду небольшими суденышками, пахнувшими едва высохшей краской. Но девиц в пансионе мадам Вавиловой держали почти в заточении. Один раз в месяц они всем классом выходили на подобие прогулки, парами, строго на три часа после обеда. И так каждый из четырех классов, составленных по возрасту. Этого Сашеньке было мало, а часовая прогулка в пансионном небольшом саду с единственной яблоне-вой аллеей казалась ей скучной.

Ее душа рвалась на простор, увидеть мир, новых людей,

но уставы пансиона были строгими, и пансионеркам запрещалось выходить за его пределы. Долгие одиннадцать лет Сашенька жила здесь. Точнее, не жила, а томилась, как птица в клетке, чувствуя, что ее существование невыносимо. Почти у всех воспитанниц была мечта как можно скорее вырваться из этого убогого места с армейскими законами на волю, уехать к родным. Учились они круглый год, и даже летом пансионерок не выпускали на каникулы. Таковы были уставы заведения, родители, опекуны или родственники девиц подписывали о том бумагу, отдавая с шести лет девочек на двенадцатилетнее обучение.

Классная дама разрешила Варе сесть.

– Спасибо, – шепнула ей Саша, Варенька была ее лучшей подругой. – А то опять влепила бы мне низший балл.

– Оленева! Еще слово, и выйдешь гулять в коридор.

Сашенька замолчала, думая о том, что, может, и правда лучше будет в коридоре, там хоть за грачами последить можно.

Неожиданно в классную комнату постучали, и все четырнадцать девушек старшего класса обернулись к двери. Вошла секретарь начальницы пансиона, бойкая дама сорока лет, и спросила:

– Можно? – после утвердительного кивка Исаевой секретарь заявила: – Мадам Вавилова немедленно требует Александру Оленеву к себе в кабинет. Приехал ее батюшка.

– Ступай, Александра, – разрешила классная дама.

Саша медленно подняла деревяшку парты и встала, не понимая, отчего вдруг приехал отец. Последний раз он появлялся в пансионе десять лет назад и то уехал в тот же день, удостоверившись, что дочь в порядке.

– Попроси у него денег, – шепнула ей вдогонку Варенька.

Саша взглянула на подругу недоуменным взором и быстро кивнула.

Выйдя из класса, Сашенька направилась в комнаты к начальнице. Навязчивая мысль точила ее существо – зачем приехал отец, и отчего именно сегодня?

Вторая мысль так же вертелась в ее голове – это просьба Вареньки. «Попроси денег». Легко сказать. Как она попросит денег у постороннего человека, которого совсем не знает? Конечно, она помнила облик батюшки, но весьма смутно. Ведь она видела его лет в восемь. Но денег все же надо было попросить. Скучное питание в пансионе считалось правильным для взросления терпеливых, скромных девиц. Воспитанницы жили почти впроголодь. Утром на завтрак им давали кашу и хлеб с маслом, на обед – жидкий овощной суп, пирожок. На ужин и того меньше – булочку с чаем. Вот и все. Потому почти все воспитанницы имели худощавое телосложение и бледное лицо.

Начальница пансиона всегда говорила, что девицы не должны много есть и жить в неге, это расслабляет и ведет к лени. Потому в заведении все время было прохладно, граду-

сов шестнадцать, не более, даже в спальнях. Одежда шилась тонкими, а пансионерки умывались только холодной водой. Подъем в шесть утра, далее восемь занятий по двадцати дисциплинам, потом в два часа начинался обед, а далее различные обязанности. Кто-то помогал на кухне, кто-то переписывал книги по философии, кто-то трудился в прачечной, а иные вышивали, выполняя заказы, которые брал пансион, чтобы заработать немного денег.

Пансион благородных девиц мадам Вавиловой был почти благотворительным заведением. В основном сюда отдавали мещанок и бедных дворянок. Ибо родители не могли их достойно содержать в более дорогих заведениях подобного рода. Родители или опекуны вносили минимальную плату за девушек, и в основном пансион существовал на пожертвования. Именно поэтому питание было скудным, а пансионеркам шилось всего одно темно-серое платье и два фартука на год, к тому же они должны были приносить пользу. Слуг в пансионе было мало. Мадам Вавилова со знанием дела всегда говорила, труд облагораживает любую девицу и дает ей необходимые навыки, такие как вышивание, приготовление еды или уборка, которые всегда пригодятся в жизни.

Классы делись по возрасту, младший составляли девочки от шести до девяти лет, второй от десяти до двенадцати, третий – от тринадцати. Сашенька училась уже в старшем классе. И все же у девушек было немного свободного времени – это часовая прогулка в пансионном саду и два часа перед

сном. Многие это время проводили за книгами, понимая, что необходимо как можно больше изучить и узнать. Ведь по выпуску из пансиона девицам выдавался аттестат учителя. И после они могли служить гувернантками в богатых домах или учительницами в таких же пансионах. Но воспитанницы более всего надеялись удачно выйти замуж. Ведь тогда работать им бы не пришлось.

Единственной радостью у полуголодных пансионеров были посылки от родных. Когда кому-нибудь передавали продукты или деньги, девушки прятали все это. Кто-то успевал засунуть денежку в потайные карманчики на классном платье или за щеку. В противном случае деньги забирала начальница. После на утаенные сбережения, они просили привратницу-Феклушу купить им дешевой еды: пряников, яблок или свежего хлеба. Тайком собравшись после отбоя в комнате всем классом, поедали свои богатства, часто отдавая продукты еще и другим ученицам.

Потому, следуя по пустынному коридору, Саша стискивала руки и думала о том, как попросить у батюшки хотя бы пять рублей, но не знала, хватит ли ей духу. Вдруг он окажется злым или скупым и, вообще, рассердиться на ее просьбы. К своему стыду, она совсем не помнила нрав Сергея Даниловича Оленева.

– А входи, Александра, – велела начальница пансиона.

Саша медленно прошла, оглядывая невысокого полнова-

того господина в летах с лысиной и густыми усами.

– Здравствуй, дочь, – вымолвил Сергей Данилович и изучающе прошелся взглядом по девушке.

– Здравствуйте, – тихо произнесла Саша, не зная может ли она назвать его батюшкой или по имени отчеству надо обращаться.

Он даже не подошел к девушке, а обернулся к мадам Вавиловой.

– Какая скромница, – продолжал он. – Могу я забрать ее до вечера на прогулку? Мне необходимо переговорить с ней с глазу на глаз, Амалия Федоровна.

– На прогулку? – удивилась Вавилова. – Но это запрещено, господин Оленев, в этом году выпуск. В июне вы сможете и вовсе забрать дочь из пансиона, а до этого времени...

– К вечерней трапезе я приведу ее обратно, – продолжал настаивать Оленев. – У меня срочное дело.

– Сергей Данилович, в нашем заведении не принято, чтобы пансионеры выходили за пределы пансиона с родными. Вы можете говорить с ней здесь сколько угодно.

– Да, понимаю, но в виде исключения.

Быстро вытащив из кармана два золотых рубля, Оленев положил их на стол перед Вавиловой.

– Ладно, так уж и быть, – оскалилась довольно Амалия Федоровна, торопливо убирая деньги в верхний ящик стола. – Но только из всегдашнего расположения к вам, Сергей Данилович. Можете забрать Александру до обеда.

– Прекрасно! Тогда в два по полудню я верну ее обратно. Саша, смотря за этим нелюбезным действием, хмурилась и молчала.

У выхода Сашенька накинула свой тонкий редингот и шаль на шею. Огладев вновь дочь, Оленев пробурчал:

– Пойдем уже, Александра. Поговорим там, где нам не помешают.

Девушка кивнула и последовала за отцом. Она вся растерялась и даже немного дрожала, не зная, как себя вести. Сергей Данилович казался ей чужим, незнакомым и далеким. И смотрел он на нее как-то странно, холодно, постоянно щурясь, не как родной человек.

Оленев, облаченный в дорогую пару и цилиндр, важно шествовал, опираясь на трость. Они прошли один квартал, затем второй, и Саша молча шла рядом с отцом, почтительно отставая на полшага, боясь спросить, куда они направляются. Сергей Данилович вдруг свернул в небольшой городской парк, и девушка, обрадовавшись прогулке там, поспешила за ним. Стояла теплая погода и солнце по-весеннему ласково припекало.

Спустя пять минут Оленевы приблизились к скамье, на ней сидел дворянин в светлом сюртуке, черном цилиндре и белых брюках. Пенсне на переносице и трость в его руке выглядели респектабельно и дорого. Завидев отца и дочь, седовласый мужчина поднялся. Высокий, с небольшой бород-

кой на бледном лице, он выглядел моложаво и по-щегоольски. Чувствовалось, что у него достаточно денег, чтобы следить за всеми веяниями моды.

– Вот и мы, многоуважаемый Иван Романович, – громко сказал Оленев, приближаясь к господину.

– Уж заждался вас, – ответил тот.

Остановившись рядом с отцом, Саша отметила пристальный взгляд мужчины, который прошелся по ее лицу и фигуре.

– Вот моя Сашенька, – заявил Сергей Данилович.

– Приятно видеть вас в добром здравии, мадемуазель Оленева, – поздоровался галантно дворянин и поцеловал ей руку.

– Александра, – отец сделал небольшую паузу и представил ей мужчину: – Иван Романович Протасов, действительный тайный советник и твой будущий жених.

– Жених? – пролепетала Саша пораженно, уставившись во все глаза на Протасова.

Как жених? Ей было всего семнадцать, а этому господину не менее пятидесяти! Нет, это не могло быть правдой. Осознание этого было слишком жутким. Но Саша прекрасно знала, что часто молодых девиц отдавали за мужчин в возрасте, но она не думала, что это случится именно с ней.

Замерев, Сашенька посмотрела на Протасова более пристально. Круглое, чуть заплывшее лицо с остатками бывлой красоты, густые русые волосы с сединой на висках. Некогда

эффектная фигура теперь была испорчена брюшком. Но более всего ей не нравился его взгляд, какой-то маслянистый и раздевающий. Отчего-то от его липкого взора по спине девушки пробежал холодок.

– Хороша, отменно хороша, – закивал довольно Протасов, – прямо расцвела с того дня, когда я видел ее на Пасху.

Нахмурившись, Саша уставилась на Протасова и вдруг вспомнила. Она уже видела этого господина три недели назад.

На Пасху они с классной дамой и другими девушками класса у Троицы церкви исполняли праздничные оды и песни, выученные на уроке хора за год. В тот солнечный день на паперти церкви многие горожане стояли и слушали их песнопения, и именно этого мужчину Сашенька отчетливо запомнила. Около часа он стоял в первом ряду, и его неприятный, какой-то оценивающий взгляд сверлил ее все это время. После она видела, как он подошел к их классной даме и о чем-то переговорил с ней. Наверняка спросил ее имя.

– Ну уж, захвалите ее, Иван Романович, – расплылся от удовольствия Оленев.

– Красавица она у вас, Сергей Данилович, прямо глаз не отвести, – добавил восторженно мужчина, чуть обходя застывшую на месте Сашу, осматривая ее со всех сторон.

Девушка чувствовала себя породистой кобылой, которую оценивает потенциальный покупатель. Она нервно откинула одну из длинных светлых кос за спину, поджав губы.

– Вся в свою покойную мать. Та тоже была красotka. Оттого и обратил на нее внимание, – объяснил, плотядно скалясь, Сергей Данилович.

Саша немного знала о своей матери. Только то, что она была прислугой в доме Оленева и из простых. Она была некоторое время любовницей ее отца, а потом родила ее и умерла, не перенеся послеродовой горячки. До шести лет Сашей занималась няня Оленевых, и девочка жила в загородном фамильном поместье. Эта же няня ранее присматривала и за законным сыном Сергея Даниловича, Николаем. После Сашеньку отправили на обучение в Екатеринославский пансион, чтобы незаконнорожденная дочь не маячила перед глазами отца. Пансион стал наилучшим решением. На содержание девочки не требовалось выделять много средств, всего двести рублей в год. Там Александра получала достойное дворянки образование, к тому же находилась под неусыпным присмотром.

Сейчас же Сергей Данилович решил выгодно сбавить дочь с рук. Неделью назад к нему явился господин Протасов и предложил взять Сашу замуж. Ивана Романовича не смущали ни незаконнорожденность девушки, ни отсутствие приданого. Мало того, все расходы по помолвке и будущему венчанию Протасов обязался взять на себя. От такого выгодного предложения наилучшим образом устроить жизнь дочери Оленев не мог отказаться. Всего этого Саша пока не знала, оттого испуганно и непонимающе смотрела на мужчин,

которые обсуждали ее прелести словно на аукционе, совершенно на стесняясь.

– Косы густые, а глаза яркие какие, – продолжал расхваливать ее Протасов, остановившись напротив девушки и вновь проводя взором по ее лицу, и поэтично добавил: – Чистый аквамарин, как светлое море в солнечный день.

– Еще бы, – завторил ему Оленев, поднимая трость и указывая на грудь девушки. – Вы на стан посмотрите, стройный какой, а грудь-то совершенной формы.

– Видел, все уже видел на Пасху, оттого и решился говорить с вами, Сергей Данилович.

– Прошу вас, батюшка, – пролепетала Саша, окончательно заалев щеками.

– Чего ты, Александра? – обернулся к ней отец. – Господин Протасов желает взять тебя в жены, должен же он посмотреть на тебя как следует.

– Да-да я и говорю, прекрасная одалиска, как раз такой и не хватает в моем доме.

– Итак, если вас все устаивает, – потирая руки, сказал Оленев. – Предлагаю пройти в ближайшую ресторацию и пообедать. Заодно обсудим все по деньгам.

– Прекрасная идея, Сергей Данилович, – согласился Протасов. – Вы позволите мне проводить Александру Сергеевну?

– Думаю, еще рано это, – как-то хитро заявил Оленев, подставляя локоть дочери и явно желая набить цену за девушку

перед будущим женихом. — Александра пойдет со мной. Она же вам еще не невеста.

— Да, вы правы, многоуважаемый Сергей Данилович, я горячился.

Они последовали из сада на ближайшую улицу. Протасов и Оленев шли рядом, обсуждая, как лучше все устроить. Сашенька же, легко ухватившись за локоть отца, тихо следовала рядом и только хмурилась. Вся эта ситуация была до крайности неприятной и даже какой-то гадкой. Но, естественно, она ничего не могла возразить отцу. Он был единственным в этом мире, кто заботился о ней. Все же он не выкинул ее на улицу в детстве и даже отправил в пансион для благородных девиц, а теперь намеревался устроить ее брак. Надобно быть благодарной ему. Но отчего-то девушка не чувствовала благодарности. Она едва сдерживалась, чтобы не заплакать, оттого что ее жених такой старый и неприятный.

Глава IV. Михаил

Слобода Новоалександровка, Российская империя
1831 год, Май, 12

Почти пять дней они были в дороге на пути в Одессу, следуя в усадьбу господина Протасова. Оставалось всего два дня до прибрежного города, когда карета Оленевых остановилась на постоялом дворе. Изматывающая духота и ни капли дождя были утомительны всю дорогу до Одессы. Пока помощник смотрителя менял лошадей, Сергей Данилович решил отобедать с дочерью в трактире, чтобы подкрепиться и отдохнуть в прохладном доме.

В течение всего обеда Сашенька пытливно разглядывала шумный постоялый двор: как приезжали и уезжали кареты, курьеры с почтой, телеги с провиантом. По двору бегали куры, детишки смотрителя играли в салки. Одна из дворовых девок, приписанная к постоялому двору, чистила поилки лошадей, меняя воду. Сашеньке все было интересно. Благо запахнутое настежь окно, у которого она сидела за столиком в небольшом трактирчике на втором этаже почтовой станции, позволяло видеть все пространство двора.

Свой раковый суп и тельное с гречей на второе она уже с аппетитом съела. И теперь, медленно отпивая остывший чай, дожидалась, пока батюшка насытится своим цыпленком

в яблочном соусе и допьет клюквенную наливку.

Уже неделю, после того как Сергей Данилович забрал ее из пансиона, Сашенька ела досыта и вдоволь. Что хотела и сколько хотела. Она сама выбирала в ресторациях и трактирах по меню блюда и первые дни с жадностью наедалась до боли в желудке. Потом ее жадность к еде немного поутихла, ибо она осознала, что голодные пансионные годы уже не вернутся. Батюшка на отменный аппетит дочери смотрел одобритительно, твердя, что дочь уж очень худая, а мужчинам нравятся девицы в теле. Девушка довольно кивала, соглашаясь, чувствуя себя на краткие минуты счастливой, когда уплетала за обе щеки пирожные со взбитыми сливками или уху из стерляди.

В широкие ворота въехал всадник на караковой лошади, в военном мундире и с кивером на голове. Бравый гусар тут же заинтересовал Сашеньку, и она отметила, как ветер трепал густые русые волосы молодого мужчины. Он быстро спешился. Оживившись, Саша следила глазами за мужчиной, отмечая, что он имеет военную выправку и очень хорошо сложен. Отдав поводья лошади подбежавшему конюху-парнишке, гусар вошел в здание почтовой станции.

На удивление девушки, бравый высокий гусар спустя четверть часа появился на пороге трактира. Он что-то спросил у слуги, который в этот момент шел с подносом еды для другого постояльца. Слуга ответил ему, и гусар направился в их сторону.

– Доброго здравия, господин Оленев, мадемуазель, – произнес молодой человек, остановившись у их стола. Сашенька удивленно подняла на него глаза, отмечая аристократические черты лица и голубой яркий взор. Гусар продолжал: – Позвольте представиться. Протасов Михаил Иванович. Сын Ивана Романовича. Отец приказал встретить вас по дороге и сопровождать до Одессы.

– Будем весьма признательны, молодой человек, – закивал приветливо Оленев и указал на место рядом с дочерью. – Присядьте, пообедайте с нами.

– Почту за честь, – кивнул Михаил и тут же гаркнул в сторону слуги: – Эй, милейший, принеси поесть да вина еще не забудь. Лучше французского какого.

Михаил Протасов сразу же понравился Сашеньке. Его открытая улыбка, правильные черты бледного лица, пытливый цепкий взгляд, все в совокупности казалось совершенным в его облике. Он имел поджарое тело, длинные ноги, рост выше среднего и мягкий тембр голоса, все это делало его неотразимым. Наверняка он пользовался успехом у противоположного пола. Хотя ему уже минуло двадцать шесть лет, невесты у молодого человека до сих пор не было, как он рассказал при первой же встрече.

Это обстоятельство весьма впечатлило девушку. Ее стали терзать навязчивые мысли о том, что хорошо было бы выйти замуж за сына, а не за отца. Михаил все три дня совместно-

го пути до Одессы проявлял к Саше повышенное внимание. Был так мил, вежлив и добр, что в конце их дальнего вояжа она уже в своих девичьих мечтах нарисовала радужную картину – Михаил просит ее отца отдать ему в жены Александру, потому как за время поездки разглядел в ней свою суженую.

Сашенька влюбилась в Михаила быстро, почти сразу. Оттого постоянно смущалась, когда он целовал ей руку или вкрадчиво беседовал с ней по душам. Однако он никогда не заговаривал с ней ни о чем интимном или же о чувствах. Он вел себя сдержанно и галантно, что еще больше распаляло воображение девушки на его счет. Она предчувствовала, что сможет полюбить Михаила по-настоящему, ведь он точно был достоин этого.

Когда утром двадцатого мая они приехали наконец в Одессу, Михаил предложил сначала заехать к ним в Петровку, фамильную усадьбу Протасовых, чтобы поздороваться с Иваном Романовичем. Оленев согласился, и спустя полчаса карета въехала в просторные ворота, подкатив к парадному крыльцу двухэтажного большого особняка с черными мраморными колоннами. Тотчас узнав их имена, едва Оленевы с Михаилом вошли в парадную, один из лакеев умчался оповестить барина о приезде гостей.

Иван Романович поспешил им навстречу, обрадованно оглядывая Оленева с дочерью.

– Иван Романович, доброго здоровья! – сказал громко Сергей Данилович.

Однако едва взгляд старшего Протасова упал на сына, он недовольно вымолвил:

– Ты чего здесь, Мишка?

– Как же? – отозвался Оленев. – Вы же любезно послали Михаила Ивановича сопровождать нас до Одессы. Мы очень признательны вам за это.

– Ах, вот где ты был, негодник! – недовольно заявил Иван Романович и обратился уже к Оленеву: – Сергей Данилович! Как я рад, что вы наконец приехали! Александра Сергеевна, несравненная, очень ждал!

Иван Романович замер в долгом поцелуе у руки девушки, и Саша даже смутилась. Отчего-то в этот миг ей представилось, как она окажется в постели с ним совершенно голая, и эти мысли заставили ее нервно задышать от брезгливости. Протасов же истолковал ее прерывистое дыхание по-другому и, улыбнувшись ей, громко предложил Оленеву:

– Прошу вас отобедать у нас, Сергей Данилович. А после я сам провожу вас в заказанные для вас комнаты на Александровском проспекте. Там самый престижный квартал и доходный дом один из лучших в Одессе.

– Благодарю вас за хлопоты, мы, конечно, отобедаем с вами, – закивал довольно Оленев.

– Эй, Липатий! – окрикнул дворецкого Протасов. – Проводи наших дорогих гостей в гостиную да прохладного чего

налей им с дороги.

Слуга услужливо поклонился, засеменяв впереди Оленевых, показывая им дорогу.

– Идем-ка со мной, паршивец, – буркнул сердито Протасов, когда они с сыном остались одни в парадной. – Поговорим чуток.

Закрыв дверь кабинета, Михаил обернулся и нахохлился, словно воробей. Он кожей чувствовал негодование отца.

– Думал, ты в казарме, а ты шатаешься невесть где! – обвинительно заявил Протасов-старший.

– Батюшка, я лишь встретил вашу невесту. Не дай Бог она заблудится.

– Не по тебе каравай моя невеста, Мишка, – угрожающе вымолвил Иван Романович с ревностью. – Узнаю, что хоть пальцем притронулся к Александре Сергеевне, шкуру спущу!

– Я и не смотрю на нее вовсе! – с обидой в голосе ответил Михаил. – Хотел вам только подсобить. Встретил, проводил. Оленевы довольны остались.

– Хитрец! – буркнул Протасов-старший, усаживаясь в свое любимое кресло за секретером. – Что, думаешь, я прощу твою дерзость, раз ты так расстарался? Нет уж.

– Батюшка, и что вы опять гневаетесь?

– Не гневаюсь, а повторяю еще раз. Блудную Лариску тебе в женах не видать! Не хватало еще, чтобы судачили, что у меня сноха продажная девка.

– Она дочь купца, батюшка, и...

– Даже не заикайся про нее! – процедил Иван Романович, грохнув кулаком об стол. – Знаю я все. Под ее юбкой пол-Одессы побывало. И тебя, дурака, она только пользует!

– Это не так.

– Я тебе сказал свое слово, Мишка! Еще раз узнаю, что ходил к ней, лишу наследства!

– Как это, батюшка, лишите? – ошетинился молодой человек. – По законному праву я ваш единственный законный сын и наследник.

– Это по закону. Напишу завещание и укажу там кого другого, – с угрозой заявил Иван Романович.

– Кого это другого? – нахмурился Михаил, даже не сомневаясь, что отец этого не сделает и только страшит. – На церкву, что ли?

– Зачем? У меня теперь невеста имеется. Красавица, умница, послушна аки агнец, смиренная и добрая. Народит мне детишек, на нее и деток от нее все и перепишу. Она и будет наследницей. А ты иди гуляй дальше к своей блудной Лариске.

– Вы не сделаете этого, батюшка, – прошипел Михаил уже напряженно.

– Сделаю, мое слово верное, – грозно заявил Протасов. И, видя, как побледнел сын, твердо добавил: – Что, испужался? И то верно, надо тебе бояться того. Знаешь ведь, что Лариска тебя с голым задом не примет. Ей деньги нужны, а тебе шиш

с маслом!

– Батюшка, не надо этого, – повинился молодой человек, понимая, что попал в скверную историю.

Михаил смертельно побледнел. Он боялся, что, если отец узнает о том, что произошло две недели назад, он точно оставит его без денег.

– Пшел вон, не желаю более говорить с тобой, непутевый.

Одесса, особняк Протасовых
1831 год, Май, 21

Саша пребывала в лихорадочном состоянии. Сегодня, в день помолвки, с самого утра к ней пожаловала модистка, которую нанял отец, чтобы подогнуть до полудня платье. Саша послушно стояла, пока швея делала свою работу, и молчала, зная, что платье ей в пору, она же вчера уже выходила в нем. Однако модистка еще сильнее ушила платье в талии, заявив, что корсет затянет девушку сильнее и ткань будет висеть. Саша опять не сказала ни слова, ведь вчера она ходила на был без корсета.

После обеда к девушке поднялась горничная, которую отец нанял на несколько недель, для того чтобы помогать дочери. Хотя Саша и не нуждалась в прислуге, умея все делать сама, спорить с отцом она не решилась. Ксюша, так завали горничную, была говорлива и улыбчива, она очень старалась угодить барышне и постоянно спрашивала обо всем.

К семи вечера Сашенька, полностью облаченная и элегантно причесанная по моде, вместе с отцом отправилась в дом Протасовых. Он находился в трех кварталах, оттого они пошли пешком. На улице было сухо, и девушка радовалась тому, что ее платье останется чистым.

Вся официальная церемония прошла быстро. Иван Романович объявил всем о предстоящем в скором времени венчании и о том, что Сашенька отныне его невеста. Приглашенный поп благословил обрученных серебряным крестом, прочитав до того небольшой церковный канон, и все многочисленные гости разошлись по двум гостиным, столовой и чайной. Везде были накрыты фуршетные столы с закусками и обилием напитков. Сашенька осталась подле жениха, как велел ей батюшка, и почти два часа к ряду, как и положено, принимала поздравления и приветствия от прибывших на помолвку гостей господина Протасова.

Чувствуя себя вполне комфортно рядом с женихом, который был обходителен с ней и любезен, Саша думала о том, что, наверное, все же сможет ужиться с Иваном Романовичем. Да, полюбить она его, конечно, не сможет, но уважать и быть верной ему вполне.

Он обеспечит ей спокойное безбедное существование, как сказал батюшка поутру, она же подарит ему свою молодость и наследников. Все будут счастливы. Все, кроме Саши. С детства мечтала покинуть пансион и стать свободной. А теперь ее вновь запирали в клетку, только теперь это был плен

замужества. Правда, девушки из пансиона говорили, что замужние дамы обладают большей свободой, нежели девицы на выданье, и только на это Сашенька и надеялась. Что Иван Романович не будет сильно опекать и ограничивать ее.

Эти мысли терзали ее головку, пока она с Протасовым и батюшкой стояла в центре зала и принимала поздравления от подходивших гостей. Девушка тихо вздыхала, стараясь научиться жить по-новому, а точнее, рядом с будущим мужем.

Она очень хотела, чтобы ее любили. Точнее, ей думалось, что можно заслужить любовь своего батюшки и Ивана Романовича, если она будет послушной и правильной. Рано лишившись матери, а потом запертая в пансионе, Сашенька все прошедшие годы получала лишь крохи любви, в основном от пары подруг в пансионе, от таких же несчастных девиц, как она. И это, естественно, не могло заменить ей трепетную любовь родных, отца с матерью, а она так нуждалась в душевном тепле и ласке. Потому сейчас Саша очень старалась угодить будущему мужу, чтобы он полюбил ее.

Стараясь казаться счастливой и спокойной, девушка вежливо отвечала на некоторые вопросы гостей, подставляя в нужный момент руку для поцелуя. Она хотела, чтобы Иван Романович и батюшка были довольны ею.

И вдруг она увидела его! Того самого испанца, вчерашнего незнакомца. Он стоял рядом с младшим Протасовым и, чуть скалясь белой полоской зубов, слушал лепет некой дамы, висевшей на локте Михаила. Было заметно, что графу

де Мельгару, как ей представился этот господин вчера, скучно. Его мощная фигура застыла в вальяжной позе, и он то и дело проводил взором по сторонам, как будто ища более интересное занятие для себя.

Сашенька напряглась, ощущая, как ей стало душно. Мысль о том, что этот человек может рассказать ее отцу или жениху о произошедшем вчера, накрыла ее с головой. Если в Михаиле она была уверена, он не узнал ее, то от этого господина не знала, чего ожидать. Вдруг, увидев ее, он тут же объявит, что вчера ночью она была одна на балу? Это будет катастрофа.

Глава V. Иностранец

Ледяная дрожь охватила ее тело, и она ощутила, как кровь прилила к лицу. Надо было что-то немедленно предпринять. Ретироваться из гостиной, скрыться, пока этот вредный испанец не увидел ее. Но она не могла уйти. Надо было что-то сказать жениху и отцу. Ведь гости все подходили и подходили.

«Можно сказать, что мне дурно и выйти на часик?» – нервозно размышляла она.

Ее метания длилось недолго, ибо Михаил и испанец неожиданно направились в их сторону. Саша до боли в пальцах сжала свой веер, желая убежать немедленно, пока этот человек не рассказал о ней все, что знал. Ее ладони вспотели, а сердце билось как бешеное, ожидая неминуемого разоблачения.

– Позвольте представить моего хорошего знакомого, графа де Мельгар, – важно произнес Михаил, едва мужчины подошли к ним. – Советника испанского посольства. Господин Оленев, отец нашей невесты. И мой отец, Протасов Иван Романович.

Мужчины поздоровались, пожав руки.

– Примите мои поздравления, господин Протасов, – улыбнулся Эрнандо, говоря с акцентом, и, переведя взгляд на Сашу, произнес высокопарную фразу, полагающуюся в подоб-

ных случаях: – Вы сделали верный выбор, ваша невеста прекрасна.

– Благодарю, я тоже в восторге от Александры Сергеевны, – воодушевленно сказал Иван Романович, целуя ручку Саше. – Лучшей невесты и не сыскать. Красавица, да еще скромна и послушна.

– Прямо кладезь достоинств, – буркнул ехидно Михаил, поморщившись от слов отца.

– Мишель, ты слишком молод и легкомыслен, чтобы оценить по достоинству эти качества, – одернул его отец.

– И правда, батюшка, куда уж мне!

Заметив напряжение между сыном и отцом, Эрнандо решил перевести внимание на себя.

– Вы, мадемуазель, лучшее украшение, которое достоин носить на своей груди любой из мужчин, – вымолвил он. Видя недоумение на лицах окружающих и понимая, что они не поняли это известное испанское изречение, пояснил: – Известная испанская пословица, о красоте и грации дамы.

– А, понятно-понятно, – закивал довольно Оленев. – И я не раз говорил вам, Иван Романович, невероятно повезло с моей Александрой. Вы давно в России, граф?

– Прибыл еще в марте, – ответил де Мельгар. – Посланнику нужна была консультация по успешной морской торговле и корабельной навигации.

– Вы разбираетесь в этом? – поинтересовался Протасов-старший.

– Да, – ответил испанец. – Наше семейство владеет десятком торговых судов в Малаге.

– Эрнандо один из лучших шкиперов во всем средиземноморье, – похвалил графа Михаил, похлопав его по плечу.

Скользнув быстрым взглядом по молодым мужчинам, девушка отметила, что граф де Мельгар так же высок, как и Михаил, только испанец гораздо шире в плечах.

– Вы сами водите корабль? – удивился Оленев.

– Сам, – кивнул Эрнандо. – Есть у меня такая слабость, еще с юности.

Сашенька стояла ни жива ни мертва, украдкой смотрела на де Мельгара и тут же смущенно отводила глаза. Она видела, что испанец не сводит с нее цепкого заинтересованного взгляда. И все ее страхи воплотились в реальность, когда в следующую минуту Эрнандо спросил:

– Как вам вчерашний маскарад, господин Оленев?

Похолодев до кончиков пальцев ног, девушка замерла, ощущая, что ее сердце почти остановилось.

«Вот! Сейчас все и выяснится, и прямо на моей помолвке разразится скандал!» – заверещал ее внутренний голосок.

Она тут же представила в красках, как Протасов разрывает прилюдно с ней помолвку, не желая иметь в женах столь порочную и взбалмошную особу, бегущую по ночам на балы без сопровождения мужчины.

«А может, это к лучшему? – тут же подумалось ей. – Иван Романович откажется от меня, и я буду свободна. – Она чуть

задумалась и уже печально выдохнула про себя: – А потом отец скажет, что я опозорила его имя и выгонит меня на улицу».

Все эти мысли пробежали в ее гудящей голове за мгновение.

– Маскарад? Ничего не слышал, когда он был? – удивился Сергей Данилович.

– Как же? Вчера у графа Васильчикова на Морской набережной, – уточнил Эрнандо и перевел взгляд на Сашу, прожигая девушку глазами: – Мне казалось, что я видел вас там.

– Не может того быть. Вчера мы с дочерью только приехали в Одессу и вечером никуда не выходили.

– Ты, наверное, обознался, Эрнандо, – предположил Михаил. – Я тоже не видел господина Оленева на балу.

– Скорее всего, я и правда обознался, – согласился де Мельгар, и его взор, направленный на девушку, стал просто обжигающим. – Все эти маскарады с масками... можно действительно принять одного человека за другого, дамы так вообще все на одно лицо.

Читая про себя уже вторую молитву, Сашенька то бледнела, то краснела, но упорно молчала. Боясь, что вот-вот этот испанец скажет, что видел ее на балу, она неистово сжимала в руках свой закрытый веер. Но, к ее облегчению, разговор на эту тему быстро замялся и перешел к более увлекательным для мужчин темам – кораблям и торговле.

Когда спустя четверть часа Михаил со своим испанским

знакомым отошли от них, Саша почувствовала, как в ее горле пересохло. Получив позволение отца, она как одерживая устремила к большим фуршетным столам с прохладными напитками.

Схватив первый попавшийся хрустальный бокал, она осушила его залпом. Это оказалась лимонная пряная вода, чуть сладковатая и приятная на вкус. У нее дрожали руки, и она яростно вцепилась в хрустальную ножку пальцами, чтобы не выронить бокал. Она все еще не могла поверить в свое везение и в то, что граф де Мельгар умолчал об их вчерашнем знакомстве.

– Жажда? – вдруг раздался низкий мужской голос над ее ухом.

Едва не поперхнувшись лимонным напитком, Саша резко обернулась. Эрнандо де Мельгар стоял рядом, явно намереваясь завести с ней разговор.

– Да, – выдавила она из себя тихо, ставя пустой бокал на стол.

– Скромна и послушна! – оскалился он ей в лицо, беря бокал с шампанским и чуть отпивая. – Солнце мое, похоже, ваш жених совершенно не знает вас...

Его темные глаза шоколадного оттенка искрились весельем. Он точно подошел к ней не просто так, а решил, видимо, помучить ее. Не желая показывать свой страх, Сашенька решила сразу перейти в наступление:

– Что вам угодно, сударь?

– У меня тоже жажда, – парировал он, показывая свой бокал, и вновь отпил от него. Придвинувшись ближе к ней, граф очень тихо сказал: – Не ожидал увидеть вас сегодня в роли тихой и кроткой невесты. Где же та искрящаяся ослепительная красавица, которая так бойко отплясывала вчера на маскараде, соблазняя кавалеров? На вчерашний бал вы ведь пришли одна? Так? И, как я понял, никто об этом ничего не знает?

– Вы намерены рассказать всем о моем опрометчивом поступке? – прошептала она.

Она не хотела говорить с этим испанцем, но понимала, что ее стремительный неучтивый уход способен разозлить его, и тогда он точно доложит о ее ночных похождениях отцу.

– И не думал, – хмыкнул он, снова отпивая из бокала, и придвинулся еще ближе. – К чему мне это?

– То есть вы не скажете моему отцу, что видели меня на маскараде вчера?

– Нет, – замотал он головой. – Признаюсь, не ожидал встретить вас сегодня, сударыня.

– Это делает вам честь, господин де Мельгар, – облегченно выдохнула она.

– Хотя, знаете, мадемуазель, вы навели меня на одну мысль.

Его горящий взор прошелся по ее лицу и остановился на ее светлых зеленовато-голубых глазах. Эрнандо прекрасно видел, что эта девица Оленева совсем не «скромная овечка»,

как жаждала предстать перед всеми окружающими теперь, она явно имела порывистый бойкий нрав. И это весьма импонировало ему.

– Да?

– Наверное, это дурной тон, быть слишком благородным. Знаете ли, легкие нравы, девицы пошли уже не те. Так и жаждут что-нибудь учудить. Убегают втихаря из дому, чтобы посетить очередной маскарад.

– Очередной? – возмутилась шепотом она. – Я ни разу не посещала ни одного маскарада до того!

– Плохо в это верится, – вновь оскалился он, дразня ее.

Эти его хитрые улыбки на волевом лице вызывали у Сашеньки неприятную дрожь во всем теле. В эти мгновения он казался ей опасным хищником, который увлекает коварными улыбками свою жертву, чтобы потом безжалостно проглотить. И эту опасную, потаенную энергию, исходившую от графа де Мельгар, девушка очень хорошо чувствовала.

– Это правда, – заявила она твердо, желая уже ретироваться из общества этого непонятного испанца, который вызывал в ее существе напряжение. – Батюшка недавно забрал меня из пансиона, и я никогда не посещала ни одного бала, ясно вам? Вчера был единственный раз, первый и последний.

– Как мило. Только вас выпустили из пансиона, вы сразу бросились наверстывать упущенное.

– Ничего подобного, – ответила она и уже холодно добавила, желая уже, чтобы он отошел от нее: – Не пойму, вам не

с кем поговорить? Что вам угодно от меня?

– Мне? Всего лишь пустяк. Знаете, мадемуазель Оленева, за все в жизни надо платить.

– На что вы намекаете, я не пойму?

– Все просто, – на его лице опять появилась эта его дерзая соблазняющая улыбка. – Вы дарите мне поцелуй, я молчу о вашей маленькой тайне.

Эрнандо и сам не знал, что толкнуло его сейчас сказать это, но отчего-то он не мог сдержать страстного порыва, который так и рвался из груди при виде этой светловолосой девицы. Он понимал, что это не делает ему чести и довольно гнусно вынуждать невинную девицу на подобное. Однако в этот миг им владело какое-то жадное нетерпение, которые заглушало все разумные мысли.

– Нет! Вы что? Вы же сказали, что будете молчать, – залепетала она нервно.

– Обещал. Но сейчас вдруг подумал о том, что раз вчера вы отказали мне в танце, то сегодня просто обязаны подарить поцелуй.

– Какой вы все же! – вспылила Сашенька, открыв свой веер и нервно обмахиваясь им.

– Какой же?

– Вредный и наглый! – прошипела она.

На ее выпад он только цинично хмыкнул и тихо сказал:

– Я понимаю, вы скромны, как сказал ваш жених, потому, так и быть, я согласен на поцелуй в укромном месте, чтобы

никто не видел.

– Вы смеетесь надо мной? – в негодовании заявила она.

Она прекрасно видела, как его глаза довольно сверкают. Похоже, его забавляла вся эта ситуация. Она же была вся на нервах.

Быстро наклонившись к ее уху, Эрнандо твердо, очень тихо произнес:

– Я серьезен, как никогда, Алеандра. Поцелуй в обмен на мое молчание.

– Я же сказала, не будет этого!

– Ваш выбор, – бросил он, прищурившись, и Сашенька отчетливо разглядела в его глазах негодование и угрозу.

Так и было. Он только внешне казался учтивым и мягким. На самом деле – властный хищник, скрывающийся за маской добродетельного вельможи. Граф быстро отвернулся от нее и направился прочь из гостиной. Поняв, что опять на волосок от разоблачения, девушка закричала зубами от бессилия.

– Погодите! – выпалила она в его широкую спину, но он следовал далее. Она кинулась вслед за ним и ухватила его за локоть, позабыв обо всех приличиях. – Постойте, я вам говорю!

Отметив, как рядом стоявшие дородные дамы оглянулись на ее порывистые действия, Саша быстро убрала ладонь с его локтя. Конечно, где это видано, чтобы благовоспитанная девица бежала за мужчиной, еще и хватала его за руки.

Де Мельгар остановился, окинув ее горящим взглядом и

явно ожидая ее дальнейших слов.

– Хорошо, я согласна, – прошептала она лихорадочно, почти припав к нему. Привстав на цыпочки, чтобы достать до его уха, Сашенька едва слышно выпалила: – Поцелуй наедине. Но поклянитесь, что никто не узнает об этом и о том, что я была на маскараде вчера. Это мое условие.

– Клянусь, – медленно растягивая слово ответил он, довольно оскалившись этой своей невозможно соблазнительной, наглой ухмылкой.

Эрнандо даже не ожидал, что она согласится исполнить его дерзкую просьбу. Естественно, он не жаждал рассказывать ее жениху и отцу о посещении девушкой бала. Все же он не был мерзавцем, чтобы испортить жизнь этой девочке. Но ей он не собирался говорить об этом. Пусть лучше считает его негодяем, чем вообще будет равнодушна, как накануне в парке графа Васильчикова.

– Где? – спросила она порывисто, кусая губы и оглядываясь по сторонам с опаской.

– Дальняя библиотека по правой стороне, через полчаса, – не задумываясь, отчеканил граф, словно заранее знал, что все у него получится.

– Хорошо, – кивнула она и торопливо отошла от него, устремившись в сторону отца и господина Протасова.

В назначенное время Сашенька быстро следовала через анфиладу комнат, отмечая, что в дальних залах никого нет.

Она спешила поскорее закончить эту неприятную сделку и, наконец, успокоиться.

– Опять я вляпалась в какую-то гадкую историю, – шептала себе девушка, приоткрывая дверь и заглядывая в темную комнату. – И снова этот наглый испанец, будь он неладен.

Луна немного освещала большое пространство комнаты. По очертаниям высоченных шкафов, длиннойдвигающейся стремянке-лестнице и книгам она определила, что оказалась в нужной комнате. Юркнув внутрь, Саша прикрыла дверь и остановилась, давая глазам привыкнуть к темноте. Немного пройдя вперед, осмотрелась. В библиотеке никого не было. Нахмурившись, девушка дошла до одного из шкафов и обхватила себя руками. Остаться здесь, в потемках, ей совсем не хотелось.

– Я ждался вас, сударыня, – раздался вдруг низкий голос совсем рядом.

Саша вздрогнула от неожиданности и только в этот миг разглядела мужской силуэт в кресле в пяти шагах от себя. Де Мельгар сидел, положив лодыжку одной ноги на колено другой, вальяжно покуривая сигару и выпуская дым изо рта.

– Я пришла вовремя, – ответила она спокойно.

– Прекрасное качество, которое я ценю в людях.

– Вы позвали меня поговорить? Или для другого? – она жаждала поскорее все сделать и уйти отсюда, пока их кто-нибудь не застукал в этой компрометирующей обстановке.

– Что ж, давайте сразу к делу, – заявил Эрнандо, отклады-

вая сигару, и добавил: – Сядете ко мне на колени? Так будет удобнее, по-моему.

– Э-э-э... нет, – с достоинством ответила она, опешив от его наглости.

– Тогда я встану, Алеандра, – оскалился Эрнандо, оценив ее выдержку. Поднявшись на ноги, он сделал два шага к ней. Его глаза как-то странно мерцали в полутьме комнаты: – Знаете, когда долгое время проводишь в море, среди грубых людей, совсем забываешь хорошие манеры.

– Это исповедь?

– Шутите... Просто не хочу, чтобы вы думали, что я не знаю этикета, простите я забылся.

– Прощаю, – кивнула она, открыто смотря в его загорелое лицо: – Итак, уточним. Я целую вас, а вы молчите обо всем, и о маскараде, и об этой встрече.

– Да, я помню, – кивнул он, раскидывая руки и явно желая заключить ее в объятия. – Может, уже приступим?

– Никаких объятий, и я вас сама поцелую, – нервно выпалила она.

– Даже так? – он опустил руки и приблизился к ней вплотную. – Хотя, как скажете. Я даже могу закрыть глаза, чтобы не смущать вас.

– Закройте, – согласилась Сашенька.

Он тут же прикрыл глаза и оскалился этой своей белозубой улыбкой.

– Так? Я могу быть очень послушным, если надо.

«Ага, послушным, – подумала про себя Саша. Его жесткую и своенравную натуру она распознала еще вчера. – Опасный зверь может только притвориться послушным, если ему это выгодно в данную минуту».

Она положила руки мужчине на плечи и привстала на цыпочки. Быстро притиснувшись губами к гладкой твердой щеке графа, девушка через пару секунд отстранилась. Эрнандо стремительно открыл глаза.

– Это что, насмешка? – с вызовом выдохнул он, и тут же железное кольцо его рук сомкнулось на талии Сашеньки, не позволяя ей отойти.

– Вы требовали поцелуй, сударь, но не уточнили какой. Я поцеловала вас, договор выполнен.

– Решили поиграть со мной, Алеандра? – угрожающе заявил он, склоняясь к ее лицу и насильно прижимая ее к своей груди.

Он точно намеревался поцеловать ее в губы, несмотря на ее нежелание.

– Отпустите меня, – потребовала она тихо, но твердо, отклоняясь от него.

– Отпущу, когда возьму то, за чем пришел, – отрезал он жестко, поглощая ее жадным взором.

Сашенька даже не сомневалась в его натуре. Замашки наглого хищника, который привык брать все и сразу.

– Вы что-то говорили о ваших манерах.

– Хитрая бестия! – процедил де Мельгар, понимая, что

действительно не уточнил, какой поцелуй нужен. – Ладно, иди. Сам виноват.

Убрав руки со стана девушки, он отвернулся, явно не желая показывать ей свое недовольство. Саша видела, как на его сжатой челюсти ходят желваки. Он был взбешен.

– И прошу, более не подходите ко мне, граф. Это ни к чему, – сказала она, желая отныне и навсегда пресечь дальнейшее общение с этим навязчивым иностранцем, который ей совсем не нравился. – Моему жениху неприятно, когда мне оказывают излишнее внимание.

– Навязываться я не собираюсь, – хрипло выдал он, окинув ее мрачным взглядом.

– Вот и прекрасно, сударь, – улыбнулась сладко Саша. – Надеюсь, более мы не увидимся.

Стремительно развернувшись, девушка, приподнимая юбки, через мгновение ретировалась из библиотеки, желая позабыть, как страшный сон, и этого испанца, и свои глупости, которые творила последние два дня.

– Холодная кукла, – глухо прорычал ей вслед Эрнандо. – Ты мне тоже не нужна.

Глава VI. Свадебный вечер

– Отныне вы муж и жена, – громко объявил священник, и его скрипучий голос пронесся эхом в тишине церкви. – Живите в благочестии и добре. Благословение Господне на вас.

«Вот и все, – прошептала про себя Сашенька. – Теперь я мадам Протасова, жена старого вельможи и навсегда несчастная девица, лишенная возможности когда-либо выйти замуж по любви».

Чувствуя, как ее руку твердо сжимает сухая жилистая ладонь Ивана Романовича, она невольно перевела на него взгляд. Вид новоиспеченного мужа, гладко выбритого, с небольшими усиками и сединой на висках не вызывал отторжения у Сашеньки. Она приняла свершившийся факт венчания как данность, как и требовалось от послушной дочери.

Протасов повернулся к ней и, подняв фату, легко, даже целомудренно поцеловал в холодные дрожащие губы и быстро отстранился.

– Пойдемте, дорогая, – велел Иван Романович.

Так и держа Александру за руку, Протасов последовал по широкой красной дорожке по просторному храму, полному приглашенных и простых прихожан.

Свадебный бал, как и полагалось, открыл Иван Романо-

вич со своей прелестной супругой и умело исполнил все движения затейливого полонеза под одобрительными взглядами многочисленных гостей.

Чуть позже Протасов удалился в свой кабинет, ожидая сына. Он то и дело цедил сквозь зубы проклятья, перебирая на столе бумаги. Было не положено надолго оставлять гостей, да и не хотелось расставаться с Сашенькой, а этот неблагодарный мальчишка никак не появлялся. Иван Романович был зол, оттого что в день своей свадьбы должен был решать этот щекотливый неприятный вопрос.

– Вы звали меня, батюшка? – спросил Михаил, заходя в кабинет отца.

– Звал. Сядь, – велел хмуро Протасов-старший. Когда молодой человек уселся вальяжно в кресло напротив Ивана Романовича, тот продолжал: – Говорил я тебе, чтобы Лариски Выхиной рядом с тобой не видели? Предупреждал? Так нет, ты, дурень, продолжаешь мое имя позорить на всю Одессу!

– Батюшка, о чем вы? Все сделал, как приказали. Бросил Ларочку, как вы и велели, – начал Михаил, но отец тут же грохнул кулаком по столу.

– Врешь, поганец! Тьфу ты, Ларочку! Вера Никитична вчера с видела тебя с этой непотребной девкой в трактире на Григорьевском спуске! Сегодня с утра, еще до церкви, кума Вера рассказала про то! Я едва успокоился, все ж свадьба у меня.

– Так слепая она, Вера Никитична, перепутала меня с кем-

то.

– Слепа, говоришь? – процедил Иван Романович и вытащил какой-то документ, исписанный мелким почерком, протянув его сыну. – Раз ты зрячий, так читай, баламут.

– Что это? – нахмурился Михаил, взяв протянутый лист и пробегая глазами по первым строкам и далее.

Внизу страницы стояла витиеватая подпись Ивана Романовича, а также заверительная роспись поверенного Протасовых.

– Завещание. Как и обещал тебе, – коротко ответил Протасов-старший. – Все мое состояние после моей смерти будет отписано жене и ее детям.

– Все? – спертым голосом выдохнул Михаил, сев прямо в кресле и снова пробегая выпученными глазами по строкам.

Вытянув из рук сына документ, Иван Романович вновь убрал его в синюю бархатную папку и положил на нее руки.

– Да. Этот дом с усадьбой, имения в Борисове и Почаевке с крестьянами, все две тыщи душ, лесопилка и деньги, что в банке.

– Но батюшка, – выпалил гневно Михаил, вскакивая на ноги. – Это же безродная девка! Незаконнорожденная! Ее мать блудница, под Оленевым лежала да в грехе ее родила. А вы все ей?

– Да, – кивнул твердо Протасов. – Зато она тиха да покладиста. Мне с ней хорошо, душа прямо поет. Как целую ее, так будто снова молод. И красавица она знатная, буду ее всем,

как сокровище, показывать. Детки от нее красивые будут.

— Как вы можете так со мной? — прохрипел молодой человек, сжимая кулаки. — Что же, эта девка вам дороже меня?

— Не дороже. Ты сам виноват. Сказал, порви с Лариской, так нет, ты уперся как баран.

— Вы для того меня позвали, чтобы все это сказать и меня унижить? Чтобы все знали, что я нищий при богатом отце? В душу мне плюете? — процедил в бешенстве Михаил, испепеляя глазами отца.

— Вот тебе мое слово. Пока положу это завещание в тайник, и никто, кроме меня, о нем не узнает. Поверенному пока велел молчать. Как только женишься на девице Радовой, как я велел тебе, а Лариска сгинет из города, бумагу эту сожгу. Никто не узнает о завещании. Все наследство тебе по закону достанется. Александре Сергеевне только седьмая часть, как и положено вдове. Если нет, пеняй на себя. Своим трудом и мозгами живи.

На очередной танец Сашенька опять вышла с мужем, уже в четвертый раз. Хотя Протасов не очень жаловал танцы, но все же стараясь угодить молоденькой жене, неизменно приглашал ее танцевать. Спустя пару часов от начала бала, который последовал после обильного торжественного обеда по случаю венчания, девушка попросила выйти на воздух, немного угорев от духоты.

Протасов немедля согласился и проводил Сашу на про-

сторную веранду, примыкающую к парадной столовой. Прохлада вечера немного остудила горящие щеки девушки, и она поблагодарила мужа. Тот же не преминул воспользоваться тем, что они с супругой остались совсем одни на веранде. Торопливо прижав девушку к себе, Протасов начал настойчиво оглаживать ее обнаженные до плеч руки, выше ажурных перчаток.

– Уж очень ты хороша, милая, – шептал он на ухо Александре. – И ладненькая, и сладенькая, как кралечка.

Губы мужа начали нежно целовать ее ушко, а рука уж больно нагло провела вверх по ее талии и осталась на груди. Саше стало противно, и она даже зажмурила глаза, представляя образ Михаила. Так она решила заранее. Что при близости мужа станет мечтать о молодом человеке, чтобы было не так противно терпеть ласки Ивана Романовича.

– Здесь как-то неудобно, Иван Романович, гости увидят, – заметила Саша, пытаясь хоть на несколько часов отсрочить домогательства новоиспеченного мужа.

Она чувствовала, что Иван Романович еще тот сластолюбец и в интимной области у него все в порядке, раз он, не дождавшись ночи, начал распускать руки. Но она жаждала насладиться последними часами свободы, оттого осторожно убрала его цепкие пальцы со своей талии.

– Ты права, рыбонька, – согласился он, доставая из жилета карманные часы на цепочки и отмечая на них время. – Уже почти десять. Скоро ноченька, потерплю.

Он опять притянул ее к себе и, обдавая винным запахом, в ухо ей страстно вымолвил:

– Но после уж не убежать тебя от меня. Как завалю тебя на постельку, то до утра не отпущу.

Окончательно опешив от его гнусных слов, девушка запаниковала. Вмиг представив в красках пастельные утехы с нелюбимым мужем, да еще до утра, она едва не взвыла от жуткого чувства несправедливости. Ну почему отец не выдал ее за молодого Протасова? Отчего она всю жизнь должна терпеть ласки этого обрюзгшего господина с потухшим взглядом и кислым запахом?

Но другого выхода не было. Она должна была подчиниться. Идти ей было некуда. Единственным родным человеком был ее отец. Но именно он и отдал ее на утеху старому Протасову, точнее, сбаврил с рук, так ей думалось. Конечно, она для Сергея Даниловича была обузой. Сначала он запер ее в пансионе на двенадцать долгих голодных лет, теперь отдал в дом мужа. Брата своего по отцу, законнорожденного наследника Николая, Сашенька никогда не видела. Он уже двадцать лет жил за границей, в Париже. Потому и на его помощь она, естественно, не рассчитывала.

Да и зачем было помогать? Отныне она замужняя дама и должна жить в мире и согласии с супругом. Именно так учили ее в ненавистном пансионе мадам Вавиловой все эти голы.

Протасов вновь прижал ее к себе, и Саша, ища повод от-

страниться от мужа, тут же выпалила:

– Ой, Иван Романович, что-то у вас там? Прямо так сильно в бок меня колет.

– Что такое? – удивился муж, невольно отстраняясь и осматривая себя. Он вытащил из потайного кармана жилета часы на цепочке. – Вот это, поди, колетса, Сашенька. Чуть раскрылись они.

Захлопнув с другой стороны корпус часов, Иван Романович быстро упрятал их обратно. Заметив их весьма странное устройство, Сашенька спросила:

– Часы с двойным дном?

– Да, – закивал Протасов. – Храню там ключ один, чтобы никто не знал. Но тебе, девочка, не надобно о том звать.

– Простите.

– Что ж, вижу, томишься ты со мной, – сказал Протасов, разгадав нежелание жены ласкаться по-своему. – Танцевать, поди, не терпится?

– Да, – закивала Саша, в душе благодаря его за предлог, чтобы прекратить эти неприятные поцелуи.

– Тогда иди к гостям, танцуй пока, душечка, – велел ей муж, подталкивая к открытым дверям гостиной. – У тебя отменно получается. Я попозже приду. Сигару пока раскурю.

Обрадовавшись, девушка устремила в ярко освещенную залу, откуда грохотала музыка. Заняв место чуть в стороне, рядом с другими дамами, она начала обмахиваться веером, ожидая очередного кавалера, чтобы пойти танцевать.

Однако на ее душе скребли кошки. Едва не плача, она смотрела перед собой обреченным тревожным взглядом и понимала, что ее жизнь кончена. Будущее представлялось ей неприятным и безрадостным. Полное подчинение Протасову и ежегодное вынашивание детей, как заявил ей муж сегодня перед венчанием, не сильно воодушевляли Сашеньку. Конечно, предстоящее замужество было не таким жутким, как детство в суровом пансионе. Но там она была избавлена от домогательств старого мужа.

Вся в терзаниях о предстоящей будущности, Саша не заметила, как на ее глаза навернулись слезы. Она утешала себя только тем, что будет жить в богатом доме, вдоволь есть и получит прислугу и красивые платья. Наверное, это были все положительные моменты ее замужества. Ей вдруг пришла мысль заняться книгами, изучением тех наук, на которые ранее ей не хватало времени в пансионе. Той же географией и историей. Эти мысли немного успокоили девушку, и она уже начала следить за танцующими парами более спокойным взглядом.

Она увидела Михаила, который кружил вальс с изящной дамой в голубом, и искренне залюбовалась им. Он было такой молодой, красивый, великолепный, и Саша опять вздохнула о том, что ее мечта стать женой младшего Протасова умерла сегодня, после того как поп совершил обряд. С Михаилом она смогла бы стать счастливой, ибо была влюблена в него. И отныне ей предстояло жить под одной крышей с

любимым, но терпеть ласки от нелюбимого мужа.

Вдруг перед ней возникла высокая широкоплечая фигура в черном фраке. От неожиданности Сашенька даже вздрогнула. Граф де Мельгар появился как черт из табакерки. Такой же зловещий, непонятный и смуглый.

– Позвольте пригласить вас на вальс, Александра Сергеевна? – с сильным акцентом отчеканил Эрнандо обычную на балах фразу и призывно оскалился.

Белозубая улыбка на его обветренном морским ветром лице показалась ей оскалом хищника, а пронзительный взор испанца проник до самых внутренностей.

Где он был? Она не видела его в церкви. Может, стоял в стороне в толпе приглашенных? Она не видела графа почти три недели, с того вечера в библиотеке. Да и не собиралась его видеть, вообще почти позабыла о нем. Зачем он опять появился? Этот мужчина не нравился ей. При виде графа де Мельгара у Саши появлялся некий животный инстинкт – немедленно убежать и спрятаться куда-нибудь подальше.

Глава VII. Испуг

– Извините, граф. Я не танцую, – ответила она с ледяной вежливостью, резко захлопнув веер.

Она жаждала танцевать, но только не с ним. Граф де Мельгар был единственным из мужчин в этой зале, с кем она не хотела вальсировать.

– Отчего же?

– Не желаю и все.

– А я желаю с вами танцевать, Александра Сергеевна, – настаивал он, прищурившись.

– Я уже сказала вам, сударь, что не танцую, – опять повторила Саша нервно. – Не надобно настаивать.

Демонстративно вновь раскрыв веер перед его носом, она начала обмахиваться им, словно создавая преграду между ними. Взор де Мельгара стал угрожающим, и она видела, как его скулы сжались, а на лице заходили желваки. Он явно разозлился. Но ей было все равно. Пусть идет туда, откуда явился и желательно вообще отправляется в свою Испанию.

Он так и не отходил от нее, а как истукан застыл напротив, буравя ее горящим взглядом. Понимая, что граф не отстанет, Саша обошла его и последовала в другой конец залы, желая отделаться от навязчивого поклонника. Похоже, она нравилась этому испанцу. Оттого, имея горячий темперамент, он был так дерзок и пер как бык, несмотря на то что

она не хотела общаться.

Следующий час на балу у Саши пролетел как в тумане. Она станцевала с одним из офицеров польский танец и тихо села в стороне на диванчике с другими дамами. Батюшка и муж не обращали на нее внимания, и она видела, как они говорили то с одними, то с другими гостями. С Сашенькой же никто не общался, ибо она ни с кем не была близко знакома. Все три недели, проведенные в Одессе, девушка безвылазно провела в съемных комнатах, подле отца. Они почти не выходили на улицу и никого не посещали, кроме Ивана Романовича.

То и дело смотря на большие часы за стеклом в гостиной, Сашенька трагично вздыхала. Она ощущала, как время неумолимо приближается к полночи и к неминуемым супружеским обязанностям в постели Протасова. Настроения у нее совсем не было, и духота действовала на нервы.

Вдруг ей безумно захотелось выйти из этой многолюдной залы и побыть хотя бы некоторое время в одиночестве. Думала она недолго. Проворно встав с диванчика, девушка устремилась прочь, юркнув в ближайшие открытые двери. Из бальной залы двери не открывались на улицу, потому девушке пришлось идти через гостиную и просторную парадную. Здесь она почти столкнулась с величавым усатым адмиралом и его женой, которые входили в гостиную.

– Госпожа, Протасова! Мои нижайшие поклоны и по-

здравления, — приветливо произнес адмирал, чуть поклонившись головой девушке.

— Благодарю, — тихо ответила Сашенька, вспомнив, что муж вроде бы представлял эту чету дворян ей еще у церкви.

Она последовала далее на улицу и потом в сад Протасовых. Она так жаждала подышать свежим воздухом. Ее душа рвалась на волю, на простор. Все свои сознательные годы она была заперта в пансионе, теперь же ее вновь запирали в особняке Протасова. Конечно, она станет более свободной, нежели в свои отроческие годы, но все же навсегда будет привязана к старому мужу.

Сашенька шагала дальше по дорожкам едва освещенного сада и в своих раздумьях не заметила, как прошла весь небольшой сад и добралась до дальней ограды. Оглядевшись и видя, что далее простираются узкие городские улочки, утопающие в буйной зелени, девушка захотела прогуляться еще и посмотреть, что там, за оградой. Она так долго жила взаперти, подчиняясь почти армейским строгим порядкам пансиона, что совсем не знала, каково это, быть свободной и решать самой, когда и куда идти.

Уже стемнело, и ночь сияла звездами. Было тихо, пустынно и тепло.

Безумная мысль о прогулке сейчас по темному городу возникла неожиданно и быстро завладела девушкой. Что будет, если она немного пройдет до соседнего квартала и просто осмотрится? Ведь как она ни просила батюшку все эти три

недели прогуляться по Одессе до моря, он ни в какую не соглашался. Он твердил, что это все блажь, и они живут в спокойном квартале, и это небезопасно посещать другую сторону города, где находился шумный порт.

Решение девушки стало твердым. Быстро стянув с головы тяжелую кружевную фату, Сашенька просунула ее в железный завиток кольца чугунной ограды. Все же идти на улицу в фате было странно. Венчальное платье ее было нежно-бежевого цвета и вполне подходило для прогулок.

Оглядевшись, она вышла за калитку и, озираясь по сторонам, пошла далее по мощеной мостовой до первого одноэтажного каменного дома, видневшегося впереди. Саша следовала дальше, запоминая дорогу, и пару раз свернула на небольшие улочки, которые ей приглянулись. Город уже спал, и было почти безлюдно и тихо. Лишь пару раз ей повстречались прохожие, весьма приветливые. Взрослая пара дворян, мужчина даже чуть снял шляпу, поклонившись девушке, а после еще какой-то торговец с котомкой.

В кокой-то момент она вдруг отчетливо услышала позади скрип камней под чьими-то ногами. Девушка невольно обернулась и в неярком свете, льющемся из окна ближайшего дома, разглядела темную мужскую фигуру. Мужчина шел за ней всего в двадцати шагах. Нахмурившись и ощущая некий неприятный холодок, пробежавший по телу, Сашенька быстро отвернулась и прибавила шаг. Она отметила, что незнакомец, идущий позади нее, так же ускорился и продолжал

неумолимо следовать за ней. Она опять обернулась. В темноте невозможно было различить его лица. Только высокий темный силуэт и твердую походку.

Внутри Саши все сжалось от страха. Кто это и отчего идет за ней? Если просто прохожий, зачем прибавил шаг? Но внутреннее чутье ей подсказывало, что это мужчина идет именно за ней. Наверняка заметил ее одну на улице, приняв за кокотку. Кто ж еще в такой поздний час шатается по улице в одиночестве? Сашенька немного знала о девицах легкого поведения, которые продавали свои ласки за деньги. Варенька из пансиона рассказывала ей о них. А если этот мужчина хотел напасть на нее? И сделать с ней нечто скверное?

Испугавшись, Саша поняла, что надо немедленно возвращаться домой, пока не вышло ничего дурного. Она вновь оглянулась на темную фигуру незнакомца. Приподнимая муслиновую юбку, она свернула в проулок, решив вернуться домой по соседним улицам. Идти по пройденному пути обратно, навстречу незнакомцу, было опасно.

Она быстрее зашагала дальше, затравленно оглядываясь и отмечая, что мужчина так же прибавил шаг. Не выдержав напряжения, Сашенька еще выше подняла юбку и почти побежала, незнакомец также побежал за ней. Саша запаниковала окончательно. Он точно преследовал ее. Он гнался за ней и наверняка хотел сделать что-то плохое.

Она бежала и бежала, но дыхания уже не хватало. Ей вдруг послышалось, что мужчина что-то крикнул ей. Но она

не желала ничего слушать. Он был все ближе и ближе.

В следующую минуту преследователь настиг ее и неучтиво схватил за предплечье жесткой рукой в перчатке. Сердце Сашеньки едва не разорвалось от испуга. Мужчина резко развернул девушку к себе лицом, и она громко вскрикнула от ужаса. Едва не лишившись чувств, Саша ошарашенно уставилась на мужчину. Ее глаза округлились, когда она узнала знакомое лицо. Это было он. Тот самый нахальный испанец, которому она час назад отказала в танце.

— Господин де Мельгар? — вымолвила она удивленно и настороженно. — Зачем вы шли за мной?

— Хотел поговорить, — ответил он. Его пальцы прямо впились в ее кожу, он, похоже, не собирался отпускать ее из своих рук. — Что вы припустили, как заяц?

— Поговорить? Сейчас?

— Да. Вы же отказали мне в танце. Потому, увидев вас в саду, я направился за вами, чтобы поговорить наедине. В зале это сделать невозможно.

— Вы следили за мной? Шли попятам? — окончательно опешила девушка, отмечая, как в полумраке ночи горят его глаза.

— Да. Зачем вы пошли в город в столь поздний час?

— Я гуляла.

— Гуляли ночью одна? Чувствуется ваше пансионатское воспитание, — ехидно заметил он.

— Мое воспитание не ваше дело. Зачем вы преследовали

меня?

– Сказал же, мне необходимо обсудить с вами одно дело, Александра Сергеевна.

– И пустите меня уже! – возмутилась она, пытаясь отойти от него. – Я не желаю с вами говорить.

На ее выпад он лишь криво оскалился и еще сильнее сжал ее предплечье ладонью, видимо, не собираясь отпустить, несмотря на ее недовольство.

Близость этого мужчины напрягала Сашеньку. Мало того что он был выше ее на голову, хотя она и имела средний рост для женщины, он еще и давил на нее своей мощной энергетикой и какой-то опасной внутренней силой. Его темный взгляд сейчас прямо прилип к ее губам, вызывая у девушки неприятный озноб по всему телу.

– Мне нравятся девицы характером, – заявил он как-то нагло, сильнее притягивая ее к себе и склоняясь.

– А мне не нравятся наглые мужчины, – нервно выпалила она ему в лицо, совсем потерявшись и не зная, как себя вести с ним.

– Настойчивый, вы хотели сказать? Однако я еще страстный и щедрый, – проворковал он бархатным низким баритоном, и его вторая рука легла на спину девушки. – Во мне много достоинств.

– Граф де Мельгар, вы невыносимы. Оставьте меня в покое, вы ведете себя беспардонно! – возмутилась Саша, опершись ладонями в его твердую грудь, затянутую фраком и ру-

башкой. — У меня есть муж. Ясно вам?

— Ясно, — оскалился он вновь.

Эрнандо прямо забавлялся ее возмущением. Ее горящие недовольством аквамариновые глаза просто завораживали.

«Значит, она намерена и дальше игнорировать меня? — зло процедил де Мельгар про себя. — Что ж, посмотрим, чья возьмет!»

В следующий миг он властно прижал изящный стан де-вушки к своей груди, сковав ее железной хваткой рук, чтобы не вырвалась. Его губы стремительно захватили в плен ее губы, навязывая свое страстное неистовство. Эрнандо так давно жаждал этого запретного поцелуя. Поцелуя, который она обещала ему еще три недели назад, но обманула, что теперь с жадностью голодного зверя набросился и терзал ее губы, позабыв обо всем.

Окончательно оторопев от его наглых действий, Сашенька, наверное, минуту стояла, как ватная послушная кукла, почти не веря в происходящее. Де Мельгар же, воспользовавшись ее недоумением, быстро запустил ладонь в ее волосы, сжав голову, продолжая исследовать нетерпеливыми губами сладкий рот и ощущая яростное возбуждение, которое вмиг завладело всем его телом от ее близости и дурманящего цветочного запаха.

Когда Саша все же пришла в себя от этого дерзкого натиска, она начала отталкивать его большое тело и непокорно отвернула голову от насилующих горячих губ.

– Вы что творите? Отпустите... – пискнула девушка ошарашенно, совершенно не понимая, как вести себя в подобной ситуации и в негодовании испепеляя наглеца взглядом.

Взгляд графа смягчился, а его дыхание стало прерывистым.

Ей хотелось дать ему пощечину за дерзкое поведение, именно этому учила их в пансионе мадам Лазарева. Но Саша опасалась сделать это, ведь де Мельгар казался ей довольно жестким властным мужчиной, даже опасным. Вдруг после ее пощечины он сделает с ней нечто более ужасное? Ей думалось, что и убить человека ему ничего не стоило.

Эрнандо не собирался отпускать эту непокорную пташку, пока они все не выяснят. А то вновь убежит от него, и он не скажет того, что намеревался. Однако он все же чуть ослабил хватку, позволив девушке немного отодвинуться от него.

– Проверял, достойны ли вы того, чтобы совершить ради вас большую глупость...

– Проверили? – бросила она ему с вызовом в лицо, окончательно разозлившись.

Как он мог так вести себя с ней? Разве она давала повод? Нет. Сначала втихаря преследовал ее три квартала, а теперь нагло целовал и лапал прямо посреди улицы. Хорошо, что пустынной, а то завтра все бы в Одессе судачили о том, как молодая жена господина Протасова целуется по ночам с другими мужчиной в какой-то подворотне.

– Да, – выдохнул он порывисто. – Алеандра, поедemте со

мной. Я увезу вас отсюда далеко-далеко. В свою страну. Я буду заботиться о вас.

Подобной фразы от него Саша точно не ожидала.

— Вы что, бредите, пьяны? — воскликнула она в негодовании и начала яростно вырываться из рук.

Но он держал крепко, мертвой хваткой, смотря на нее потемневшим взором, и хрипло продолжал убеждать:

— Вы мне приглянулись с первого взгляда, там, в беседке. Я всего лишь хочу вам помочь. Послушайте меня. У меня есть корабль, он в порту, мы можем уехать немедленно, прямо сейчас. Я смогу быть очень ласковым с вами и терпеливым.

Его правая рука переместилась с ее спины выше, начав осторожно перебирать волосы, пропуская пряди меж пальцами.

— Не надобно этого! Прекратите эти свои дерзости, господин де Мельгар!

— Я хочу лишь помочь вам, Алеандра.

Его взор вновь изменился, и теперь он смотрел на нее властно, с угрозой, явно желая навязать свою волю.

— Мне не нужна ваша помощь, сударь? С чего вы взяли, что я захочу куда-то плыть с вами? Более бредовой идеи и придумать нельзя! У меня есть муж, который меня, наверное, уже потерял! Пустите!

— Если вы не поедете со мной, то случится нечто страшное, Алеандра!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.